

Г.В. Петров

Философия смысла жизни

Псков
2003

ББК 87. 216
П 305

Печатается по решению кафедры философских наук и редакционно-издательского совета ПГПИ им. С.М. Кирова.

П 305

Петров Г.В. Философия смысла жизни. Псков. ПГПИ. 2002. - 80 стр.

П 305

Проблема смысла жизни представляет собой одну из центральных проблем философии. В книге кандидата философских наук Г.В.Петрова эта проблема анализируется в системе важнейших философских категорий, таких как бытие, идеальное, ценность и др. Аргументированность выводов исследования автор сочетает с популярностью изложения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся философией, прежде всего, учащихся старших классов, учителей, студентов и преподавателей институтов.

Рецензенты:

доктор социологических наук В.Н. Васильева
кандидат философских наук В.А. Романов

ISBN 5-87-854-264-1

- © Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова, 2003
(ПГПИ им. С.М.Кирова), 2003
- © Петров Г.В., 2003

Смысл жизни как феномен человека и философская проблема

Смысл жизни человека — это философские размышления о цели и предназначенности такого дара человека, как жизнь. Вместе с тем это регулятивное понятие, помогающее человеку достойно и осмысленно прожить свои годы. В любой развитой мировоззренческой системе — религиозной, философской или этической — существуют свои представления о том, что такое жизнь и каков ее смысл. Есть и самые разные ответы. В чем ценность жизни, в чем ее цель, ее смысл? Тысячи ответов дает на эти вопросы каждый конкретный человек.

В древнекитайской этике значимость человеческой жизни во многом определялась идеалом внутренней свободы. Древнегреческий философ Аристотель считал, что этика не зависит от политических обстоятельств, она дает практические рекомендации, как достичь счастья и осмысленности жизни. Одни считают счастьем добродетель, другие – рассудочность, третьи – известную мудрость. Счастье в концепции античного мудреца рассматривалось как высшее и прекрасное благо, которое доставляет удовольствие.

В противовес этой версии стоики учили, что жизнь человека драматична, подчас окрашена в трагические тона. Удел человека — мужественно вести себя перед реальной угрозой беды, лишения, смерти.

Русские религиозные философы считали, что нравственное достоинство человека и его нравственная свобода определяются свыше, что человек должен подчинять свою жизнь поставленной ему запредельной целью.

В Европе место и перспективы человека в мире, стратегию его поведения и высшие цели определяла христианская мораль. Человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни. Религиозный смысл земной истории человечества

заключается в искуплении и в спасении мира. Эпоха Возрождения во многом отступила от этих принципов: смысл человеческой жизни – в самом человеческом существовании, а не в божьих “распоряжениях”. Кант при истолковании смысла жизни обращался к обязательным нравственным законам, нравственно-разумной природе человека, одинаковой у всех. В философии Гегеля человеческая жизнь лишь в том случае обретает смысл, если она служит орудием саморазвития и самопознания человеческого духа.

В современных социальных теориях смысл жизни по-прежнему нередко усматривается в реализации внеисторических задач, т.е. божественных, либо, напротив, в достижении потребительских стандартов и индивидуального благополучия. Некоторые провозглашают бессмысленность и абсурдность любой деятельности и вообще отрицают возможность достоверного точного ответа на вопрос о том, в чем заключается смысл жизни.

Оказывается, что эта проблема весьма зависит от сущности человеческой природы. Многих философов тревожит тот факт, что XX в. продемонстрировал разрастание агрессии и насилия, обнажив феномен разрушительности в человеке. Фромм не случайно назвал свою работу “Анатомия человеческой деструктивности”, он показал, что ценность жизни может ускользать от человека...

Многие философы ставили вопрос о развитии любви к жизни, о свободе созидания, о создании необходимых предпосылок для полного обретения смысла жизни. В этой системе рассуждений подчеркивалось величие человека, благородство его натуры, способность откликаться на чужую боль, трепетно относиться к жизни в целом.

Но при этом в истории и жизни многое говорит о том, что человеческая жизнь редко представляла собой особую ценность.

Наше время с новой силой обязывает осознавать неизменную роль вечных философских вопросов в жизни человека и общества. Стратегия современного развития России, как показывает неоднозначный опыт последнего десятилетия, не может исходить лишь из односторонней ориентации на удовлетворение лишь материальных потребностей.

С одной стороны, требуется снизить давление грубого материального интереса на жизнь человека, а с другой – необходимо учитывать, что образование, культура, наука являются важнейшими факторами, определяющими вектор развития России в современном мире. Обозначившаяся в развитых европейских странах тенденция к увеличению значимости духовных ценностей в жизни людей способна и должна получить развитие в России, ибо традиционно в российском обществе велика тяга к духовно-нравственным идеалам.

Человек в современном мире, теряя многое из того, что было присуще людям прошлых эпох, начинает все более остро осознавать уникальность ситуации, в которой он оказался. Современный мир, отягощенный глобальными проблемами, ставит все человечество и каждого отдельного человека в ситуацию, когда надо выработать и принять принципиально новые подходы к выживанию, существованию и развитию, либо деградировать как вид.

В контексте вышеизложенного проблема смысла жизни человека приобретает совершенно особое значение. Вопрос о том, что и как должен сделать человек принадлежит к числу важнейших. Еще древние понимали, что суть человека выявляется в его деяниях и поступках. Однако главное – не масштаб деятельности человека и не место, на котором он трудится, а *смысл* его деятельности, в котором преодолевается “суета сует” повседневной, обыденной жизни.

В истории человеческой мысли можно найти разные подходы к определению смысла и содержания жизни человека. Эта проблема имеет не только прагматическое, но и гораздо более важное – моральное значение, *ибо в поступке проявляется смысложизненность человеческого бытия и именно в человеке скрыто решение этой проблемы*. Именно на этом акцентирует внимание автор данной работы.

В современном обществе, где нормы нравственности скорее сомнительны, нежели императивны, указанная проблема приобретает особый смысл. Ведь нравственность или безнравственность каждого современного человека начинает оказывать все более ошутимое влияние на характер социального

развития общества, т.к. *перед человеком всегда стоит задача выбора из возможных способов действия лишь таких, которые не разрушают, а укрепляют фундамент культуры человеческого общества.*

При осуществлении этого выбора неопределима роль философии как единственного в своем роде орудия универсального освоения мира и преодоления “этического вакуума”, разрушающего духовную ткань современной жизни. Естественной реакцией человека на это во все времена являлся *поиск более ценностных форм духовного опыта*, где едва ли не важнейшим являлся поиск смысла жизни. В русской культуре подобный поиск выстраивался всегда на определенном недоверии к односторонне-рациональным ориентирам жизни и, как результат, длительной критической переработки духовного опыта Запада.

Актуализация проблематики смысла жизни связана также с кризисом человеческой идентичности, в основе которой лежит кризис культуры, а результатом – потеря опорности человеческого бытия. Однако поиск смысла жизни является тем основным фундаментом, который дается нам как первичный принцип человеческого существования. Именно этот поиск определяет место для всего сущего в жизни человека и место человека посреди всего сущего. Решение проблемы смысла жизни на уровне миропонимания эпохи или на уровне отдельного человека дает ответ – что значит определенность, в чем опора человеческого бытия.

Здесь, однако, не следует забывать, что жизнь отдельного человека не имеет какого-либо заранее заданного смысла, поэтому она и является самой трудной, а ответ на нее скрыт отнюдь не а прошлом, а в настоящем и будущем. Ответ на нее все время ускользает и одновременно присутствует в реальном контексте современного бытия человека и человечества. Смысл жизни никогда не дается нам в виде некоторой законченной формулы. В то же время в основе его поисков должны преобладать духовные ценности, как основа реализации человеческих сущностных сил и самоутверждения человека как явления культуры.

Однако, когда человек начинает размышлять о смысле своей жизни, то сам факт таких размышлений и есть свидетельство

становления его как человека. При этом, на первый взгляд, ответ на вопрос: “зачем я живу?” достаточно прост и должен сводиться к тому, чтобы выбрать цель жизни и суметь подчинить жизнь движению к этой цели, ведь раз есть цель, значит есть и смысл жизни.

Кажется, все просто и проблема решена, ибо каждый человек, реализуя свободу воли, вправе быть творцом своей судьбы, но цель часто ускользает, видоизменяется, да и не всякая цель моральна. И снова смысл жизни “не дается”, и только человек вновь и вновь должен быть способен наполнить свою жизнь смыслом, а не просто сформулировать словесно, в чем этот смысл состоит.

Во многом прав Л. Толстой, который в своей “Исповеди” писал: “Есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором все мы находимся. Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица... Второй выход – это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть... Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Четвертый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная наперед, что ничего из нее выйти не может”.

В этом высказывании главное заключается в том, что *важно не только указать путь достижения смысла жизни, но и вступить на него*. Ведь любая, даже на первый взгляд самая незначительная жизненная ситуация задает нам его вновь. Поэтому на каждом шагу и в каждом моменте жизни мы должны заново отвечать на него и ничто не способно освободить нас от этого жизненного предназначения. Ибо творение мира не окончено, покуда человек не осуществит в нем своей миссии быть Человеком. Миссии, которая сначала должна осуществиться в нем самом.

Автор данной работы по-своему попытался взглянуть на эту древнюю, как мир, и вечную человеческую проблему. Как ему это удалось, судить Вам – читатель!

Кандидат философских наук, доцент В.А. Романов

ВВЕДЕНИЕ

§1. Парадокс проблемы смысла жизни.

Смею высказать парадоксальное, хотя и не новое, суждение: проблема смысла жизни - это вечный двигатель человеческой цивилизации, который, в отличие от энергетически беззатратных «перпетум мобиле» механиков-самоучек, сам поглощает такое количество интеллектуальной и психической энергии, какого с избытком хватило бы для решения самых сложных технологических задач, когда-либо встававших перед человечеством. Как таковая, цивилизация начинается не с изобретения колеса, не с создания письменности, даже не с веры в богов, а с «круга жизни», когда человек впервые осознал свою жизнь как нечто целое, связывающее рождение и смерть, а не как процесс простого накопления прожитых дней. «Круг жизни» - это первая по времени идеальная модель существования человека, в которой нельзя не видеть первых проблесков проблемы смысла жизни.

Мы не знаем и, вероятнее всего, никогда не узнаем имя древнего мудреца, прежде других создавшего круговую, а лучше сказать, цикличную модель жизни. Именно на основе такой модели ветхозаветный проповедник - Екклесиаст - определил смысл человеческой жизни как «суета сует, все суета и погоня за ветром». Заметим, что, по мнению Екклесиаста, этот смысл, который, впрочем, можно трактовать и как полное отсутствие одного («пустое все»), одинаков для всех людей - и мудрецов и невежд, и богатых и бедных, и добрых и злых, и праведников и грешников. Иначе говоря, у Екклесиаста речь идет о смысле жизни как о родовом понятии, т.е. охватывающим весь род человеческий и совершенно безразличным к индивидуальным особенностям составляющих этот род особей.

Отодвинем пока это замечание в сторону, так же как и сам ответ Екклесиаста. Были и другие ответы. Куда важнее вопрос, который был им поставлен: зачем живет человек? Этот вопрос имеет множество формулировок: для чего дана человеку жизнь?

каково предназначение человека? в чем главная ценность жизни? и т.д. и т.п. Вопросительный знак объединяет здесь одну проблему - проблему смысла жизни.

Парадокс этой проблемы состоит в том, что, если она будет когда-нибудь решена окончательно, цивилизация одряхлеет и умрет, но цивилизация умрет и в том случае, если поиски смысла жизни прекратятся вовсе, так и не достигнув какого-либо положительного результата. Дело в том, что духовная жизнь человечества в ее важнейших сферах - философии, искусства, нравственности, религии, отчасти науки - в конечном счете, вращается вокруг самой сокровенной тайны человеческого бытия, которую принято называть смыслом жизни. Если вынуть эту ось из духовной жизни человечества, последняя разлетится на триллионы осколков и, в конце-концов, прекратит свое существование, что будет равносильно гибели цивилизации вообще. Верно, что осуществить такую операцию в реальной жизни, реальной истории невозможно, но верно и то, что амплитуда духовной жизни в целом соответствует взлетам и падениям интереса к смысложизненной проблематике. Природа этой проблематики такова, что мы, люди, не можем ни достичь конечной цели - открыть тайну собственного бытия, ни остановиться на полпути к этой цели.

Отсюда - вечные искания, вечные поиски решения проблемы смысла жизни, смысла пребывания человека на Земле, которые пронизывают всю историю цивилизации. Менялись времена, менялось направление этих исканий, менялись их результаты, хронологическая последовательность которых вовсе не означала, что они располагались на одной познавательной оси по принципу - «одно из другого». Общую совокупность полученных ответов можно представить в виде россыпи светящихся точек, то сближающихся, то расходящихся в необозримом пространстве человеческой мысли. Не существует никакого критерия, который позволил бы выделить одну из этих точек-ответов, признав ее преимущества перед другими с точки зрения истинности. Кто более прав в решении проблемы смысла жизни - Сократ или Кант, Августин Аврелий или Фридрих Ницше? Я отвечаю, используя язык моих предков: “Не вем кто?”

И тем не менее открытия этих и других великих мыслителей и пророков воспринимались современниками как откровения, вызывали ожесточенные споры, а порой стоили их авторам жизни. Так было, так есть и так будет. Таково неистребимое стремление человечества приоткрыть завесу над тайной бытия человека. Именно человека как индивида, имеющего свои даты рождения и смерти, свою судьбу, а не всей совокупности разумных существ на нашей планете, именуемой человечеством. Вопрос о смысле существования последнего - это вопрос о его месте во Вселенной. Это другой вопрос, другая проблема, которой можно и нужно заниматься, но которая все же далека от проблемы смысла жизни отдельного индивида.

§2. *Опасные вопросы.*

В философских и религиозных учениях проблема смысла жизни рассматривается в ее надличностном, вневременном аспекте, как проблема человека вообще, некоего вселенского Адама. Полученные результаты философы и богословы выражают в общих понятиях и категориях, имеющих общезначимый, а потому абстрактный характер. Это уровень известного кантовского вопроса: «Что такое человек?» Чтобы стать жизненным ориентиром, внутренней установкой индивида, эти результаты должны превратиться в личные убеждения субъекта, войти в его плоть и кровь, покорить его чувства, стать его сердечной болью, т.е. найти отклик в душе конкретного человека. Но конкретный человек - это не вселенский Адам, он живет в определенной обстановке, в ситуации своего времени и места, имеет свою судьбу, свой жизненный опыт, свои предрассудки, свои симпатии и антипатии и т.д. и т.п.

Конкретный человек - это индивид, а индивид всегда индивидуален. Каждый, кто задается вопросом о смысле своего существования, решает его с позиции своей индивидуальности. Это неизбежно. По сути - это вопрос об оправдании своей жизни перед самим собой: правильно ли я распорядился даром жизни, на то ли я потратил и трачу свои дни, получилась ли у меня жизнь, как я, такой живой, могу умереть и что там - после смерти... Это опасные вопросы, слишком напряженное размышление (лучше

сказать, рефлексирование) над которыми может привести к самоубийству, а может породить и дерзкое ощущение личного бессмертия. Здесь перед нами открывается бездна на грани доступного разуму, а следовательно, на грани безумия. Может быть поэтому большинство людей инстинктивно избегает подобных размышлений, подменяя их чем угодно, лишь бы обойти проблему, при этом может создаваться видимость ее решения. Так бывает, когда смысл жизни интуитивно отождествляется с жизненными целями, с достижением душевного равновесия, с видимым благополучием, с долголетием, с памятью потомков, наконец.

Кошмаров безумия можно избежать, включив размышления о смысле собственной жизни в рамки той или иной общепонятной концепции. Но при этом выбор такой концепции - философской или религиозной— будет зависеть от индивида как личности, от всего комплекса индивидуальных особенностей, образующих этот индивид, именно это «Я». Иначе говоря, не концепция смысла жизни выбирает человека, а человек - концепцию. При этом следует иметь в виду, что свобода выбора может быть затруднена или ограничена как внешними обстоятельствами, так и собственными предрассудками.

Выбор концепции смысла жизни, и я на этом настаиваю, предполагает проведение собственного исследования этой проблемы на том уровне, на котором данный субъект способен такое исследование осуществить.

§3. Смысловые полюса мира.

Любое исследование предполагает определенную последовательность действий, так называемый алгоритм. Необычность проблемы смысла жизни проявляет себя в том, что алгоритм ее решения задан известной сказкой: «Пойди туда, сам не знаю куда, принеси то, сам не знаю что!» Все колумбы смысла жизни, помимо своего желания, попадали в ловушку этого алгоритма. Я не причисляю себя к первооткрывателям, но и мне не избежать неопределенностей и неожиданностей, скрытых в самой проблеме.

В самом деле, я не могу наперед ответить на вопрос: что я хочу

найти вообще, что следует подразумевать под «смыслом жизни» - оправдание жизни, ее высшее предназначение, сущность бытия человека или что-то иное? Остается руководствоваться интуитивным убеждением, что есть нечто, что охватывается понятием «смысл жизни». Вот это нечто, так легко ускользающее от преждевременных попыток его определения по всем правилам логики, я и надеюсь обнаружить в процессе поисков, не ограниченных ничем, кроме смутной цели, ради которой они предпринимаются. Что же касается дефиниций, то они появятся, когда подойдет их черед. Пока же я буду использовать понятие «смысл жизни» без определения, имея в виду жизнь отдельного человека, т.е. индивида. Это принципиальное исходное положение, заданное самой постановкой проблемы, которое требует серьезных пояснений.

Только человек или бог могут обладать смыслом собственного существования для самих себя. Это два смысловых полюса мира. Существование всего остального может иметь какой-либо смысл только по отношению к этим полюсам, т.е. по отношению к человеку или богу. Из двух возможных я выбираю антропогенную концепцию, суть которой прекрасно выразил Протагор из Абдер в своей формуле: «Человек есть мера всех вещей». Эта формула может быть обращена и на самого человека, который сам для себя есть мера. Что же касается другой, теогенной концепции, согласно которой мерой всех вещей и самого человека выступает бог, то она меня в данном исследовании не будет интересовать, по крайней мере, до тех пор, пока остается хоть малейшая надежда на удовлетворительное решение проблемы смысла жизни в рамках антропогенной концепции. И дело здесь не в вере или неверии в бога или какое-либо разумное или волевое надмирное начало, а в том, что включение такого начала в систему логических рассуждений о смысле жизни разрушает эту систему. Идея бога в любой ее форме антиномична по своей сути, т.е. включает в себе положения, несовместимые между собой с позиций человеческого разума, «плотской логики», как говорил Павел Флоренский.

Глава I. СМЫСЛ БЫТИЯ.

§4. *Смысл и смысловой образ.*

Этимология слова «смысл» достаточно очевидна: корневым, исходным здесь является слово «мысль», что позволяет ограничить использование слова «смысл» кругом понятий, содержанием которых является идеальное. Этот круг включает в себя такие понятия как «значение», «разум», «рассудок», «толк», «идея», «суть» и подобные им. Такая поливариантность недопустима в теоретическом исследовании, поэтому следует предпринять еще один шаг на пути ограничений.

Условимся называть смыслом такое содержание идеальных образов объектов нашего восприятия действительности, в котором выражается, во-первых, отношение человека к этим объектам в той или иной системе ценностей и, во-вторых, сущность таких объектов, которые сами являются продуктом целенаправленной деятельности человека. Оба значения (признака) понятия «смысл» могут быть включены в одно определение, поскольку они не исключают друг друга. Идеальные образы, имеющие смысловое содержание в рамках данного определения, условимся называть смысловыми образами. Эти образы могут иметь ценностный характер, если они соответствуют первому признаку понятия «смысл», и сущностный характер, если они соответствуют второму признаку этого понятия. В том случае, если смысловой образ будет соответствовать обоим признакам понятия «смысл» одновременно, то такой образ будет иметь и ценностный и сущностный характер. Заметим также, что под объектами действительности в данном определении подразумеваются любые объекты нашего восприятия, как материальные, так и идеальные.

Принятые таким образом определения понятий «смысл» и «смысловой образ» не требуют особой аргументации в силу их аксиоматизма, но делают логически обоснованными исследования проблемы смысла бытия вообще и проблемы смысла жизни в частности.

§5. *Смысловой «солипсизм».*

Итак, я допускаю, что смысл существования всех вещей и

явлений в этом мире, как и самого этого мира в целом, Вселенной, определяется человеком как индивидом, субъектом. В чем же этот смысл? В том, что человек находит в этом мире полезным или вредным, добрым или злым, прекрасным или безобразным, привлекательным или отталкивающим, целесообразным или нецелесообразным и т.д. и т.п. Человек не беспристрастен в своем восприятии внешнего мира. Субъективные образы вещей и явлений, возникающие в сознании человека, не просто копируют с той или иной степенью адекватности сами эти вещи и явления, а наделяются субъектом теми или иными качествами, каковыми они в действительности не обладают. Эти качества зависят от состояния внутреннего мира человека, прежде всего, от тех ценностей, которыми он руководствуется в своей жизни. В палитре этих качеств человек и осмысливает мир, в котором он живет.

При этом субъект может убедить себя, что качества, которыми он наделяет вещи и явления, сами реально существуют, что есть вещи прекрасные и безобразные, добрые и злые сами по себе, а не становятся таковыми в голове человека. Это иллюзия, свойственная людям. От нее только шаг к наделению объектов внешнего мира чувствами, волей, разумом. Мы постоянно пользуемся выражениями типа «сердитый ветер», «задумчивая Луна», «приветливое утро», «разгневанный вулкан» и т.д. По существу, процесс осмысления внешнего мира, прежде всего мира природы, есть процесс его очеловечивания, происходящий в голове субъекта, в результате которого создается смысловая картина, лучше сказать, модель этого мира. Такая смысловая модель каждый раз возникает и каждый раз исчезает вместе с рождением и смертью человека как индивида, многократно изменяясь в течение его жизни. Такую точку зрения можно охарактеризовать как смысловой «солипсизм», который, в отличие от онтологического солипсизма, утверждает, что индивидуальное сознание субъекта творит не внешний мир как таковой («равнодушную природу», по выражению А.С. Пушкина), а мир смысловой, мир, очеловеченный этим сознанием. «Красою вечною блистать» «равнодушная природа» может только в сознании человека, а не сама по себе вне отношения к ней этого человека.

Следует заметить, что здесь и далее под природой подразумевается вся совокупность неживых и живых объектов, не

созданных человеком, т.е. все, кроме артефактов. Древние философы обозначали такую природу термином «физис».

§6. Отношения типа «часть - целое».

Принято считать, и с этим можно согласиться, что мир как физис состоит из бесконечного множества конечных объектов (т.е. ограниченных во времени и пространстве), каждый из которых представляет собой некую целостность. Это вещи, явления, процессы, которые принято называть материальными образованиями, поскольку они могут прямо или косвенно воздействовать на органы чувств животных и человека, порождая идеальные образы этих образований. Я настаиваю на таком разграничении понятий «материальное» и «идеальное», ибо в современной философии эти понятия часто смещены от их первоначального содержания. Идеальное непосредственно связано с материальным и может влиять на него только в том живом организме, в котором это идеальное существует, и только в живом организме материальное может непосредственно влиять на идеальное. Идеальное (психика) одного живого организма может влиять на идеальное (психику) другого живого организма не непосредственно, а только через материальное этих организмов. При таком понимании идеальное всегда локализовано в живом организме и не может как таковое «выйти» из него и обрести самостоятельное существование.

Каждый материальный объект как целостность, с одной стороны, включает в себя другие объекты (атом - элементарные частицы), с другой стороны, сам оказывается включенным в другой объект (атом - в молекулу). Таким образом, можно говорить о существовании целостных материальных объектов (образований) разных уровней. Высший уровень из всех возможных мы называем миром или Вселенной, низший - ограничен для нас нашими знаниями.

Каждый материальный объект (вещь, явление, процесс) обладает определенными свойствами, совокупность которых и образует его специфичность, его «самость», его отличие от других материальных объектов (других классов объектов). Но эти свойства

обнаруживают себя только в отношениях с другими материальными объектами, в тех или иных связях с ними. Например, свойство тела на Земле иметь определенный вес обнаруживается в связи с гравитационной массой нашей планеты; валентность, т.е. свойство атома химического элемента образовывать химические связи с другими атомами, обнаруживается в соединении с ними; свойство сердца работать как биологический насос обнаруживается, если есть что перегонять через него и т.д. Если это так, то с изменением связей данного материального объекта должны изменяться и проявляемые этим объектом свойства, т.е. должен изменяться сам объект. Казалось бы, что факты подтверждают этот вывод: рыба, выброшенная из воды, становится дохлой рыбой; метеор, входя в плотные слои земной атмосферы, сгорает, превращается в светящееся тело - метеорит; свет в зависимости от условий проявляет то волновые, то корпускулярные свойства и т.д. Но возможен и другой подход: связи, отношения, в которые вступает данный материальный объект с другими объектами, не произвольны, они «диктуются» изначально присущими ему свойствами. Иначе говоря, каковы свойства - таковы и связи, отношения, т.е. связи, отношения есть проявление определенных свойств материальных образований. Например, гравитационные свойства планет определяют их движение вокруг Солнца (взаимосвязь с Солнцем); свойство валентности «диктует» возникновение определенных связей между атомами в химических соединениях; свойство растений получать углерод из двуокиси углерода ведет к изменению химического состава воздуха, т.е. обуславливает определенные отношения между растениями и атмосферой, и т.д.

Здесь нет противоречия, ибо свойства и связи материальных образований в реальной действительности существуют не изолированно друг от друга, а в единстве их бытия. Это единство выступает как функция (или функции) материальных образований по отношению друг к другу. Как и сами материальные образования (вещи, явления, процессы), эти функции не несут в себе ничего идеального, а следовательно, не могут обладать никаким собственным смыслом вне отношения к ним человека, смыслом, который можно было бы назвать онтологическим.

Сказанное относится ко всем функциям материальных

объектов, в том числе и тем, которые целое выполняет по отношению к части, а часть по отношению к целому. Как функция (или функции) целого по отношению к части есть единство его свойств и связей с частью, так и функция (или функции) части по отношению к целому есть единство ее свойств и связей с целым. Очевидно, что эти функции целого и части существуют и действуют одновременно, полностью исчерпывая содержание отношений типа «часть - целое».

Специфическим аспектом (срезом) этих отношений являются информационные или символические отношения. В общем виде объект «А» является символом объекта «Р», если «А» содержит информацию о «Р». В результате взаимодействия части и целого они взаимно передают друг другу информацию о себе (своих свойствах, структуре и т.д.) и в этом отношении являются символами друг друга: часть является символом целого, а целое - символом части. Например, планета Земля содержит информацию о Солнечной системе в целом (движение Земли, и не только движение, определяется всей совокупностью входящих в Солнечную систему тел) и в этом отношении представляет собой символ этой системы, в свою очередь Солнечная система, как целое, содержит информацию об одной из своих планет - Земле (Земля влияет на общую структуру Солнечной системы, движение входящих в нее тел) и в этом отношении представляет собой символ Земли. Такие же символические отношения существуют между элементарными частицами, образующими атом, и атомом в целом, живой особью и популяцией особей и т.д. Собственно символом является не сам объект «А» как таковой, а тот информационный отклик об объекте «Р», который содержится в «А».

Символ только тогда обретает идеальную форму существования, когда он является результатом передачи информации о внешнем мире через органы чувств и нервную систему в мозг живого организма. Во всех других случаях символ не содержит в себе ничего идеального как такового, а представляет собой своеобразный, информационный срез механических, физических, химических и других изменений в объекте «А», так или иначе отражающих особенности объекта «Р», а следовательно, не может иметь никакого объективно существующего смысла.

Символический характер отношений типа «часть - целое» сам по себе никаких смысловых отношений не рождает, последние возникают в сознании воспринимающего эти символические отношения субъекта - человека.

§7. Смысловые и бессмысловые модели мира.

Мир «равнодушной природы», физис изучают естественные науки, отвечая на вопросы: из чего? почему? каким образом? Полученные результаты находят воплощение в технике и технологии, умножая не только возможности воздействия человека на природу, но и познавательный потенциал самого естествознания. Однако, никакие исследования, никакая «инквизиция» природы научными методами не способны найти какой-либо объективный смысл в изучаемых объектах, поскольку такого смысла в них просто нет. Открытие внутреннего строения атома, механизма наследственности, «черных дыр» во Вселенной и т.п. означает, что сегодня мы, люди, лучше, чем вчера понимаем устройство того мира, в котором мы живем, но не смысл этого устройства. Можно сколько угодно биться над вопросом - «почему светит Солнце?», но мы никогда не обнаружим ни одного грамма смысла в самой солнечной массе.

История естественнонаучных открытий не опровергает, а подтверждает вывод, что мы живем в бессмысленном для него самого мире, физисе. При этом создаваемые естественнонаучные модели могут быть истинными или ложными, они могут быть верифицируемы или фальсифицируемы на истинность/ложность по различным критериям. В отличие от них смысловые модели мира (философские, религиозные, эстетические, нравственные) в принципе непроверяемы на истинность/ложность, если только не постулируется абсолютная истинность одной из них, в сравнении с которой рассматриваются все остальные смысловые модели. Это утверждение тем более справедливо по отношению к смысловым образам, формирующимся в сознании конкретного человека, индивида, которые представляют наибольший интерес в рамках исследуемой проблемы смысла жизни.

Естественнонаучные и смысловые модели не разделены

пропастью, они взаимопроникают друг в друга. Естественнонаучные модели мира могут, во-первых, оказывать заметное воздействие на формирование смысловых моделей и, во-вторых, сами испытывать их влияние, содержать значительный смысловой элемент. Действительно, вопрос об устройстве мира напрямую связан с вопросом о месте человека в этом мире, как с точки зрения появления мыслящих существ на Земле, так и с точки зрения существования человечества и его дальнейших перспектив. Это очевидно и не требует каких-либо пояснений. Но в связке «мир - человек» есть и другой, менее очевидный аспект, который может быть выражен в принципе, получившем название «антропного принципа»: «Вселенная устроена так, что в ней могло появиться разумное существо». В этом принципе знаменитый декартовский афоризм - «Я мыслю, следовательно, существую» - имеет продолжение: «...следовательно, существует мир, в котором я мог появиться как мыслящее существо». Трехмерность физического пространства, гравитационная постоянная, постоянная Планка, изотропность и однородность Вселенной, постоянство скорости света и другие параметры нашего физического мира могут получить объяснение с позиций этого принципа, они становятся как бы заданными конечным результатом - появлением мыслящего существа, человека разумного. При других параметрах такой результат был бы невозможен, но «я мыслю», следовательно, этот результат - неоспоримый факт действительности, а значит устройство мира должно соответствовать этому факту. Если это так, то любая естественнонаучная модель Вселенной, физического мира вообще, может и должна быть испытана на когерентность (противоречивость/непротиворечивость) с фактом существования человеческого разума. При этом сама Вселенная обретает смысл только в тех моделях, которые существованию разума не противоречат.

В общем виде можно сказать, что естественнонаучные модели (теории, учения) имеют своим предметным содержанием сущность вещей и явлений материального мира. Эта сущность получает в них идеальную форму выражения в виде научных суждений. Сами эти суждения, раскрывающие сущность вещей и явлений, в свою очередь представляют собой сущность (содержание) естественнонаучных

моделей (теорий, учений), являющихся продуктом целенаправленной деятельности человека. Любая естественнонаучная модель может быть осмыслена субъектом как по первому, ценностному признаку, так и по второму, сущностному признаку смыслового образа. По первому признаку естественнонаучная модель может быть осмыслена с философских, религиозных, нравственных, эстетических и других позиций, т.е. в той или иной системе ценностей; по второму признаку может быть выявлен сущностный смысл этой модели, т.е. ее собственно научное содержание. Так, можно говорить о ценностном смысле учения Аристотеля о шарообразности Земли, гелиоцентрической системе Коперника, теории относительности Эйнштейна и т.д. и о сущностном смысле этих учений как учений, определенным образом раскрывающих сущностную сторону природных явлений.

Что касается самих материальных объектов научного познания, то их ценностный смысл для субъекта, посвященного в результаты этого познания, почти полностью совпадает с ценностным смыслом соответствующих естественнонаучных моделей (теорий, учений). Никакого сущностного смысла в этих материальных объектах выявить невозможно.

§8. Артефакты первого рода.

Во внешнем для человека и человеческого сознания мире существуют не только объекты природы, не тронутые рукой человека, но и объекты, созданные самим человеком, искусственно сделанные, т.е. артефакты.

Это жилые и производственные здания, машины и механизмы, полотна художников, книги, выведенные человеком породы животных и сорта растений, оружие, предметы культа различных религий и т.д. и т.п. Всю совокупность артефактов можно разделить на две части, имея в виду относительность линии раздела: артефакты, созданные для удовлетворения материальных потребностей людей (артефакты первого рода), и артефакты, созданное для удовлетворения духовных потребностей (артефакты второго рода).

Артефакты первого рода обеспечивают физическое существование и продолжение рода человеческого. Их главная функция - удовлетворение таких потребностей как потребности в пище, одежде, жилище, средствах связи и передвижения, средствах медицинской помощи и ряда других подобных им. Круг этих артефактов, их количество, качество, эффективность и другие характеристики меняются от эпохи к эпохе, от цивилизации к цивилизации, от общества к обществу. Часто артефакты первого рода включают в себя детали, черты, свойства артефактов второго рода, например, архитектурные украшения жилых зданий, дизайн автомобилей и т.п. Мы будем рассматривать артефакты первого рода в их «чистом» виде, имея в виду ту основную функцию, ради которой они созданы.

Возьмем любой артефакт первого рода и рассмотрим его в смысловом отношении, например, токарный станок. Поставим вопрос так: имеет ли токарный станок смысл сам по себе, т.е. как существующий вне человека предмет? На первый взгляд, ответ должен быть положительным: токарный станок обладает смыслом, который заключается в той функции, ради которой он сделан, а именно - обрабатывать металлические детали способом вращения последних. Если так, то этот станок будет обладать смыслом и в том случае, если он поставлен в условия, когда ничего не производит и производить не может, например, если он заброшен к туземцам из племени мумба-юмба. Наш токарный станок будет стоять в джунглях и терять свой смысл по мере разрушения, т.е. по мере утраты заложенной в нем способности выполнять функцию обработки металла. По сути, мы таким образом отождествляем смысл артефакта с его функцией, т.е. наделяем объективно существующим смыслом механическое вращение, трение одного металла о другой и т.д.

Следуя этой логике, в других артефактах первого рода мы должны наделять объективно существующим смыслом свойство упругости, химические превращения, подъемную силу и т.п. Но сами по себе природные тела, свойства, силы и движения не имеют

самостоятельного, объективно существующего смысла, они осмысливаются человеком. Если в артефактах первого рода присутствует смысл, независимый от восприятия этих артефактов человеком, то он может заключаться только в той структуре природных факторов, которую им придает человек - создатель этих артефактов. Но эта структура является ни чем иным как реализацией в металле, дереве, камне, пластмассе и т.д. человеческой мысли (проекта, идеальной модели), т.е. материальным символом этой мысли, которая при этом, как таковая (идеальный феномен) остается в голове человека (конструктора, технолога, строителя), а не переносится в создаваемый объект.

То, что мы назвали смыслом вещи-артефакта первого рода (токарного станка), является ни чем иным как его смысловым образом, образом его сущности, возникающим в сознании воспринимающего эту вещь субъекта в результате «прочтения», разгадки, расшифровки материального символа, т.е. в русле отношения человека к этой вещи, а не вне этого отношения. Для туземцев из племени мумба-юмба токарный станок перестанет быть грудой металла или постаментом для идола только в том случае, если они каким-то образом разгадают замысел его создателя. Этот гипотетический пример говорит о том, что в голове воспринимающего субъекта может сложиться смысловой образ вещи-артефакта, не соответствующий его сущности, т.е. ложный.

Артефакты вообще, в том числе и артефакты первого рода, по определению отличаются от явлений природы тем, что они созданы человеком, т.е. они изначально имеют непосредственное отношение к мысли человека, которая в них материализуется. Установить сущностный смысл артефакта это и значит установить материализованную в нем мысль. Если предположить, что за явлениями природы стоит творец, обладающий разумом и волей, то в таком случае сущностный смысл для человека обретают и сами эти явления. Но такое предположение противоречит принятой нами антропогенной концепции смысла бытия, поэтому в рамках этой концепции само предположение о божественной сущности природных явлений мы вынуждены рассматривать как ценностный религиозный

образ этих явлений.

Сущностные смысловые образы артефактов первого рода в голове воспринимающего эти артефакты субъекта, не являющегося их создателем (проектировщиком, конструктором, строителем и т.д.), как правило, не совпадают полностью с замыслом (проектом, идеальной моделью) этих артефактов, а схватывают суть этого замысла. Мы пользуемся артефактами первого рода, не вникая в тонкости их конструкции, сложную взаимосвязь происходящих в них процессов, часто не понимая природы этих процессов и т.д. Так, большинство автомобилистов понятия не имеют о процессе внутреннего сгорания в моторах их автомобилей, но хорошо представляет смысл автомобильного мотора как двигателя колес их машины, а большего для управления автомобилем и не надо.

Вся совокупность артефактов первого рода образует т.н. «вторую природу», искусственную среду обитания разумных существ на Земле, а теперь и в околоземном пространстве. Люди ориентируются в этой среде по сущностным смысловым образам, истинность или ложность которых определяет успех или неудачу практических действий, направленных на удовлетворение материальных потребностей.

Естественно, что смысловые образы артефактов первого рода не сводятся к установлению их сущности, они «обрастают» нравственными, эстетическими и другими оценками, т.е. являются одновременно и сущностными и ценностными образами. Например, пистолет Макарова в руках представителя правоохранительных органов - благо, в руках преступника - зло, в руках преступника из правоохранительных органов - двойное зло.

§9. Рукотворная деятельность человека.

Артефакты первого рода это вещи и явления, материальные образования вообще, созданные людьми в процессе трудовой деятельности, т.е. в процессе целенаправленного преобразования природы. Это преобразование осуществляется в процессе воздействия человека на природу с помощью его физических сил

и сил, уже поставленных на службу человека, используемых им: механических, физических, химических и т.д. Это настолько очевидное суждение, что его можно назвать банальным. Но в этой банальности скрыта одна весьма важная особенность: основой основ преобразования природы является работа человеческих рук - самых «умных», самых гибких механических манипуляторов из всех нам известных, как естественных, так и искусственных. Человеческий организм так устроен, что он не может аккумулировать электрическую энергию и порождать электрические разряды как некоторые виды скатов, не может выработать особые химические соединения, например, яды, как змеи и пауки, не может воздействовать на среду ультразвуковыми волнами и улавливать их отражение как летучие мыши и т.д. и т.п. Единственный способ непосредственного воздействия человеческого организма на окружающий мир - движения его рук. Участие в трудовом процессе других частей тела, (ног, туловища, зубов) играет подсобную роль.

На что способны наши руки? Они могут перемещать тела в пространстве по самой сложной траектории, скручивать их, сжимать и растягивать, т.е. производить достаточно сложные и разнообразные изменения механического характера в окружающем мире. Эти изменения совершаются в евклидовом пространстве по законам механики, открытым Ньютоном. Однако, в результате целенаправленных механических изменений во внешнем мире, вызываемых движениями руки, человек способен порождать движения иных видов - физическое, химическое, биологическое. Еще в первобытное время, складывая в кучу хворост и производя трение одного куска дерева о другой, наши предки научились искусственно вызывать горение, т.е. химическую реакцию соединения углерода с кислородом воздуха, разжигать костер. Весь дальнейший прогресс техники, овладение другими видами энергии, создание искусственных материалов и т.д. так или иначе имеет своим началом движения естественного механического манипулятора - человеческой руки. Поэтому будет справедливо сказать, что вся «вторая природа», созданная человеком, есть природа рукотворная.

Рука человека совершает движения под влиянием нервных импульсов, идущих от мыслящего мозга, и только для мыслящего мозга эти движения имеют смысл. Для немыслящего мозга крокодила движения его лап и зубов, так же вызываемых нервными импульсами, идущими от крокодильего мозга, не имеют никакого смысла, как движения колес автомобиля для его мотора.

Итак, в процессе трудовой деятельности мысль человека непосредственно «превращается» в механическое движение его рук и только в это движение, но именно «превращается», оставаясь в голове человека и умирая вместе с ним. При этом конечные результаты этого «превращения» - объекты «второй природы», как правило, переживают мысль своих создателей, оставаясь символами этой мысли.

§10. Артефакты второго рода.

Перейдем к артефактам второго рода, т.е. искусственно сделанным материальным объектам, которые создаются людьми для удовлетворения их духовных потребностей - эстетических, нравственных, религиозных, познавательных и других. Это книги, картины, скульптуры, предметы культа, киноленты и т.п. За каждым из артефактов второго рода стоит их создатель - субъект: писатель, ученый или коллектив ученых, художник, скульптор, зодчий, богослов, режиссер и т.д., а также люди, имя которым легион, так или иначе задействованные в процессе предметной деятельности по созданию этих артефактов: работники бумажной промышленности, типографские рабочие, ткачи, производители красок, строители, рабочие сцены и т.д.

Возьмем классический артефакт второго рода - книгу. Прежде всего, книга - это вещь (предмет), которую можно взять в руки, поставить на полку, использовать как подставку для цветочного горшка и т.д., т.е. манипулировать с ней, как с любой вещью, любым предметом, сообразуясь с ее размером, формой, весом. Книга может быть сделана из бумаги, кожи, ткани, деревянных пластинок и других материалов. Но как артефакт второго рода книга не просто вещь, а вещь, удовлетворяющая духовные потребности благодаря

напечатанному или написанному от руки на ее страницах тексту. Следовательно, книгу делает книгой не материал, из которого она изготовлена, не ее размеры или вес, не типографская краска или чернила, а текст, т.е. набор графических изображений, являющихся буквами, цифрами, иероглифами. Я сужу, что передо мной книга, а не просто сброшюрованные листы бумаги, по наличию в ней текста (набора графических изображений - букв, цифр, иероглифов) даже в том случае, если не могу этот текст прочитать. Мой предыдущий опыт общения с предметами подобного рода подсказывает мне, что этот предмет есть книга. Для туземцев из племени мумбаюмба, не знакомых с письменностью, остается тайной за семью печатями сам символический характер графических изображений в книге, которая попала к ним от съеденного миссионера. Эти графические изображения они могут воспринимать в лучшем случае как какие-то магические, волшебные знаки, а не письменные символы языка.

Для того, чтобы книга стала предметом, удовлетворяющим духовные потребности, надо эту книгу прочитать, а для этого необходимо знать тот символический язык, на котором составлен ее текст. Если мы знаем только символический язык русской письменности, то сможем прочитать, например, Библию, напечатанную на русском языке, но не сможем одолеть ни одной строки в Коране, напечатанном на арабском языке, мы не будем даже знать, что строки текста в этой книге надо читать справа налево. Но в любом случае письменные символы языка объективно существуют, независимо от того, владеем мы ими или нет.

Другое дело - смысл этих символов, который возникает в голове человека как результат прочтения текста. Смысл или смысловой образ письменных символов всегда субъективен, он не существует вне субъекта, воспринимающего книгу как артефакт второго рода. При этом, как правило, смысловые образы письменного текста носят сущностно-ценностный характер: сущностным содержанием (сущностным смыслом) этих образов является мысль (замысел) субъекта-создателя книги (литературного произведения, научного трактата, богословского труда и т.д.);

ценностным содержанием (ценностным смыслом) - результат осмысливания этой мысли (замысла) воспринимающим эту книгу субъектом (читателем) в той или иной системе ценностей.

К таким же выводам приводит анализ артефактов второго рода с доминантой не языковых, а иных символов духовной деятельности человека, например, произведений искусства, предметов культа, архитектурных сооружений и других. Не вникая в детали, можно утверждать, что их сущностноценностные смысловые образы формируются в психике воспринимающих эти артефакты субъектов, т.е. представляют собой имманентно присутствующий человеческой психике феномен, именно психике, а не объектам внешнего мира как таковым.

§11. Артефакты науки.

Среди артефактов второго рода особое положение занимают артефакты науки: измерительные приборы, вещественные модели, устройства для проведения научных экспериментов и т.д. Все эти и подобные им предметы (материальные объекты) создаются людьми в процессе научно-познавательной деятельности для решения тех или иных познавательных задач, т.е. для получения определенных практических результатов (измерения, наблюдения, проверки, математического моделирования и т.п.). Например, знаменитая камера Вильсона была создана для обнаружения следов альфа-частиц. В этом и только в этом состоит функция данного устройства. Нацеленность на практический результат сближает артефакты науки с артефактами первого рода, но только сближает, поскольку артефакты науки создаются не для удовлетворения материальных потребностей (они не производят материальные блага сами по себе), а для удовлетворения духовных потребностей в области научного познания мира.

Каждый артефакт науки представляет собой материализованный замысел (проект) человека, его создавшего, а следовательно, может рассматриваться как объективно существующий символ этого замысла, при этом сам замысел (проект), как идеальный феномен, остается достоянием психики

субъекта-создателя. Чтобы артефакт науки заработал по назначению, необходимо, чтобы он попал в руки человека, посвященного в этот замысел или разгадавшего его, т.е. «прочитавшего» символ. Результатом этой разгадки, «прочтения» символа артефакта науки и будет его смысл, который как и замысел представляет собой идеальный феномен, пребывающий в голове человека, его психике.

§12. Смысловой мир человека.

На основании вышеизложенного в этой главе можно утверждать, что весь внешний по отношению к человеку материальный мир, охватывающий как объекты природы, так и артефакты разного рода, сам по себе, т.е. вне отношения к нему человека, не обладает каким-либо смыслом. Смысл в его различных аспектах (ценностном и сущностном) рождается в голове воспринимающего этот мир субъекта как содержание смысловых образов идеальных по своей природе. В процессе деятельного отношения к внешнему миру в психике человека, кроме смысловых образов существующих вещей и явлений, формируются смысловые образы, предметное содержание которых не имеет аналогов в том мире, в котором реально живет человек (ест, пьет, одевается, ходит на работу, ухаживает за домашними животными, смотрит телевизор, воюет друг с другом и т.д. и т.п.). Это смысловые образы вещей и явлений, не входящих в непосредственную естественную и искусственную среду обитания, вещей и явлений, существовавших ранее или еще не существующих, а также мифологические образы, всегда имеющие смысловой характер.

Если материальный мир в целом является общим для всех людей, по крайней мере, для живущих в одно время, т.е. тождественным по отношению к каждому индивиду, то смысловой мир - это всегда мир субъекта, он всегда индивидуален, всегда неповторим. Прав был Г.Гейне, сказав, что «каждый человек - это мир, который с ним рождается и с ним умирает; под каждою могильною плитою лежит всемирная история». Между смысловыми мирами субъектов нет и не может быть абсолютного тождества,

Неисчерпаемость качественного многообразия смысловых миров связана прежде всего с ценностным аспектом смысловых образов, содержание которого может быть различным при тождестве содержания сущностного аспекта, поэтому в дальнейшем мы будем использовать понятия «смысл», «смысловой образ», «смысловой мир», если не оговорено другое, исключительно в их ценностном значении.

Глава 2. ИДЕАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА.

§13. «Скелет» души.

Из всех живых существ на Земле только человек способен создавать смысловые образы вещей и явлений благодаря наличию в его психике феномена ценностей или ценностных ориентации. Это такие ценности, как добро и зло, справедливость и несправедливость, прекрасное и безобразное, истина и неистина и т.п. Их совокупность, лучше сказать, система образует то, что можно назвать своего рода «скелетом» души, но нет такого рентгеновского аппарата, который мог бы его обнаружить в человеке. О феномене ценностей того или иного индивида мы можем судить по артефактам второго рода, как материальным символам этих ценностей, а также по поведению, по поступкам индивида. Например, по содержанию «Божественной комедии» мы можем судить о ценностных ориентирах великого Данте, о его «скелете» души.

Что же такое ценность (ценностная ориентация) в самом общем виде? Предположим, что мы воспринимаем некую вещь как прекрасную (безобразную). Почему мы так ее воспринимаем, т.е. создаем смысловой образ прекрасной (безобразной) вещи? Потому что обнаруживаем в ней свойства, соответствующие нашему представлению о прекрасном (безобразном), например, золотое сечение (отсутствие его) в структуре данной вещи. Прекрасное (безобразное) как ценность есть представление о прекрасном (безобразном), лишенное какой-либо предметности (своего рода «призрак»), но включающее в себя предельно широкие критерии прекрасного (безобразного). Это справедливо и по отношению к другим ценностям. Ценность - это не образ чего-то и не мысль о чем-то, а особый феномен человеческой

психики, делающий возможным возникновение смыслового образа вещи или явления. Совокупность ценностей в психике индивида делает возможным возникновение смыслового образа мира.

§14. Центр смыслового мира.

Через систему ценностей человек фокусирует внешний мир вещей и явлений на самого себя, становясь центром созданного им смыслового мира. На уровне зеркального, фотографического отражения, не включенного в систему ценностей, полученная образная картина мира не имеет центра в виде субъекта отражения. Быть центром чего-либо это не значит быть посередине, это значит выполнять особые функции по отношению к элементам этого «чего-либо», а именно - притягивать их к себе, удерживать от распада, т.е. обеспечивать целостность этого «чего-либо». Можно сказать, что центр играет системообразующую роль. Такую роль играют, например, ядро в атоме, Солнце в Солнечной системе, матка в муравейнике, мозг в организме животного. Образная картина мира, а точнее, его незначительной части («осколка»), складывающаяся в мозге животного, не имеет центра в виде самого этого животного, даже если предположить существование у него некоторого подобия человеческой психики. Центр в виде субъекта отражения может иметь только смысловая картина мира, на создание которой, без каких-либо оговорок, способен только человек.

Человек занимает центральное положение только в той смысловой картине мира, которую он сам создает и которая существует в его голове, а не в самом мире внешних по отношению к человеку вещей и явлений. Попытка поставить воспринимающего внешний мир субъекта в центр самого этого мира логически ведет к солипсизму, суть которого, не мудрствуя лукаво, выразил герой рассказа Арк. Аверченко «Телеграфист Надькин»: «А вот если я, скажем, собрался, в Петербург проехал, - все бы они («генералы разные, сенаторы, писатели, театры») сразу и появились на своих местах. Приехал, значит, Надькин, и все сразу оживилось, дома выскочили из земли, извозчики забегали, дамочки, генералы, театры заиграли... А как уеду - опять ничего не будет. Все исчезнет... Я уже

с детства об этом думаю: что ни до меня ничего не было, ни после меня ничего не будет... Зачем? Жил Надькин - все было для Надькина. Нет Надькина - ничего не надо». Такая метаморфоза с восприятием самого себя как центра смыслового мира, придающая этому центру онтологический характер, может происходить как на бытовом, так и на философском уровне.

§15. Индивид и субъект.

Идеальное (психика во всех ее проявлениях) всегда реально, т.е. является действительно существующим, но оно становится субъективным идеальным только по отношению к самому себе в том материальном образовании, которое его порождает. Во всех других отношениях идеальное объективно. Человеческая психика существует как субъективное идеальное только в мозгу индивида, т.е. отдельного человека. Ничего идеального в межмозговом пространстве не существует. Идеальное можно представить как множество светящихся точек-вспышек, разбросанных неравномерно по поверхности нашей планеты. Эти точки-вспышки общаются между собой с помощью артефактов-символов, прежде всего, с помощью устной и письменной речи. Результатом этого общения является то, что философы называют «общественным сознанием». Как идеальное, а иным оно быть не может, общественное сознание существует во множестве индивидов, а не над ними или между ними.

Материальным субстратом, порождающим идеальное, является мозг, но был прав В.И.Ленин, говоря, что мыслит не мозг сам по себе, а человек при помощи мозга. Мозг, изолированный от тела, превращается в биологическую массу, не способную ни на чувствование, ни на мышление. Человек, как биологический организм, это не телесное вместилище души, своего рода «темница», а материальная система, организованная так, что в ней рождается идеальное. В этом заключается концепт понятия «индивид» в отличие от понятия «субъект», в котором акцент делается на идеальное в человеке, которое абстрагируется от породившей его материальной системы.

Проблема смысла жизни человека - это проблема смысла

жизни индивида, т.е. особи биологического вида «Человек разумный», ставшей или реализовавшей себя человеком. Реализовать себя человеком, т.е. стать индивидом, биологическая особь может только в обществе себе подобных, как особь общественная. Не став общественной особью, Маугли не может стать индивидом, по отношению к которому мог бы решаться вопрос о смысле жизни. Стать индивидом это значит пройти путь от психики животного до психики человека, что возможно только в общении с себе подобными, уже прошедшими этот путь, с помощью артефактов. Индивид - это биологическая особь, обладающая человеческой психикой, т.е. человеческим идеальным, локализованным в этой особи. Если принять, что важнейшим показателем человеческой психики является интеллект, то, по мнению швейцарца Ж.Пиаже, ребенок в нормальных условиях завершает свое становление индивидом примерно к 15-му году жизни.

§16. Личность.

Субъективной сущностью индивида является не интеллект как таковой, его способность к развитому предметному или отвлеченному мышлению, а то наше внутреннее «Я», которое из глубин сознания наблюдает, оценивает, контролирует наши чувства, мысли, намерения, поступки. Вспомним стихи А.С.Пушкина:

«Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем...»

Здесь явно проступает то внутреннее «Я», которое оценивает состояние того чувства любви, которое переживает поэт. Вообще, в высказываниях типа «я люблю», «я думаю», «я хочу» и т.д. мы фиксируем в нас самих наличие такого «Я», которое как бы стоит от нас в стороне, являясь внешним наблюдателем за всем, что происходит в нашей психике. Каждое из приведенных высказываний в развернутой форме означает: «я чувствую, что люблю», «я знаю, что думаю», «я осознаю, что у меня есть желание» и т.д.

У животных, даже высокоорганизованных (например, у высших приматов - гориллы и шимпанзе), такого феномена «Я» нет. Животное может, по-видимому, испытывать какие-то чувства, например, по отношению друг к другу или врагу, но оно не знает, не осознает, что испытывает эти чувства. Обезьяна может в своем сознании манипулировать образами предметов, моделируя свои действия, но она не осознает, что она это делает. Животное не может отстраниться от самого себя и посмотреть на себя со стороны, а точнее, изнутри своей психики. Такой способностью обладает только человек.

Не берусь угадывать, какой участок коры нашего мозга отвечает за формирование нашего «Я», может быть, мозг в целом. Важно не это, а то, что «Я» существует, причем, за одним «Я» может стоять второе, за ним - третье «Я» и т.д.: «я знаю, что я думаю», «я знаю, что я знаю, что я думаю»... Это не так абсурдно, как может показаться не первый взгляд. Талант Ф.Достоевского, между прочим, состоял в том, что он последовательно вскрывал эти «Я», проникая все глубже в сущность психики своих литературных героев. Не если это так, то «Я» уходит в бесконечность и в этом состоит неисчерпаемость сущности субъекта индивида. Бывает, что у индивида появляется два или более одноуровневых «Я» одновременно, тогда наступает раздвоение или даже растроение личности, но это уже область психиатрии.

Что же такое «Я» в полном, но внутренне бесконечном объеме? Это личность. Если раздвоение личности есть случай психиатрии, то противоречивость личности есть нормальное явление. Нельзя не согласиться с Н.Бердяевым, что «человеческая природа двойственная, высокая и низкая, свободная и рабья, богоподобная и погруженная в низшее бытие. Человеческая природа поляризована. И это пронизывает всю духовную жизнь человека». Эту противоречивость личности З.Фрейд объяснял тем, что в ней «Я» (сознательное) выступает посредником (полем борьбы) между «Оно» (бессознательное) и «Сверх-Я» (императивы общества). Возможны и другие объяснения, но очевидно одно - проблема смысла жизни есть проблема имманентно противоречивой личности.

§17. Идеальная реальность личности.

Трудно рассчитывать на то, что в сознании внутренне противоречивой личности может возникнуть непротиворечивая смысловая картина мира, тем более, что ее «кадры» постоянно сменяют друг друга, как воды гераклитовой реки. Действительно, всеобщая противоречивость объективного мира не просто фиксируется в сознании человека, а удваивается, утраивается в смысловой картине этого мира, что придает последней ту удивительную подвижность, с которой человек сталкивается ежедневно, ежечасно, ежеминутно и ежесекундно. Нельзя остановить не только прекрасное мгновение, но и мгновение отвратительное, ужасное, безобразное. Солнце может мне улыбнуться своими лучами и в ту же секунду стать нестерпимо палящим кругом. И в том и в другом случае это мое восприятие солнца, это одно и то же солнце в моей смысловой картине мира.

Относительную устойчивость смысловой картине мира в сознании индивида придает система ценностей, имеющих внеличностное происхождение. Наличие одинаковых ценностей в конкретном человеческом сообществе обеспечивает похожесть, узнаваемость смысловых картин мира, смысловых миров его членов. В свою очередь, различия в системах ценностей приводят к различным смысловым оценкам одного и того же явления. Если туземец, для которого нагая женщина - символ порядочности, а одетая - символ порока, ибо ей есть что скрывать, окажется в европейском обществе, то вид одетых европейнок едва ли будет ему симпатичен.

Противоречивая, изменчивая и устойчивая одновременно смысловая картина мира индивида, ставшего личностью, образует ту идеальную реальность, в пределах которой вообще возможна постановка вопроса о смысле жизни.

В рамках этой реальности мы можем конкретизировать тезис о человеке как центре смыслового мира применительно к «Я» субъекта.

§18. Разум во Вселенной.

Еще в XVI веке великий Ноланец (Дж. Бруно) высказал мысль о том, что во Вселенной центр повсюду, а поверхность

нигде. Это предположение получило четкую форму выражения в терминах эйнштейновской физики в космологическом принципе А. Фридмана об изотропности и однородности Вселенной. На основе этого принципа конструируются современные модели Вселенной, допускающие существование областей (миров), в которых возможно появление жизни и мыслящих существ.

Остается открытым вопрос: какую роль во Вселенной играет разум?

Иначе говоря, может ли Вселенная, мир в целом существовать без разума? Этот вопрос можно было бы варьировать и дальше, но есть пробел в его основной посылке, ибо разум не существует сам по себе как мировой или космический феномен, а только как свойство особым образом организованных материальных образований (на Земле это люди). Никакой «утечки» сознания из этих материальных образований не происходит, оно локализовано в них. Вырваться наружу разум (сознание) может только в овеществленном виде - в артефактах. Следовательно, речь может идти не о роли разума как такового, а о влиянии деятельности разумных существ на мироздание. Пример человечества, показывает, что сфера этой деятельности может непрерывно расширяться как в область микромира, так и в область мегамира. Вопрос в том, каких пределов может достичь эта деятельность за то время, которое «отведено» человечеству, и как эта деятельность скажется на Вселенной? Если экстраполировать ту прогрессию в которой возростала преобразующая деятельность человечества в XX веке, на век XXI, то к его завершению результаты этой деятельности могут сравниться с космическими процессами в нашей Галактике. Но XXI век - это всего лишь начало третьего тысячелетия... За ним последует четвертое, пятое...

Впрочем, до этого времени человечеству еще надо дожить, да и темпы научно-технического прогресса, характерные для XX века, могут существенно измениться, хотя их затухание едва ли будет способствовать сохранению земной популяции разумных существ. Скорее наоборот. Здесь мы вступаем и область догадок, неоспоримым же является то, что эта популяция, принявшая

социальную форму жизни, уже сегодня способна оказывать и оказывает воздействие своей преобразующей деятельностью на небольшой «уголок» Вселенной, находящийся на окраине нашей Галактики, т.е. становятся преобразующим центром этого «уголка». Существование других «уголков» со своими разумными центрами в обозримой нами Вселенной до сих пор не доказано, но и не опровергнуто. Во всяком случае, внеземную цивилизацию мы можем обнаружить прежде всего по тем изменениям, которые она вносит в свой «уголок» мира, будь то радиоволны или что-либо иное. При этом следует иметь в виду гипотезу Ноланца о возможности существования во Вселенной «иных видов разума» по сравнению с человеческим разумом. Могу высказать предположение, что к удовлетворительному ответу на вопрос о месте и роли разумных существ во Вселенной человечество сможет приблизиться только тогда, когда ноосферы, по-крайней мере, двух «уголков» нашей Галактики вступят в соприкосновение друг с другом.

§19. Субъект преобразования мира.

Каждое поколение людей оставляет после себя вещественный «осадок» в виде тех изменений, которые оно привносит в окружающий мир, все основательнее утверждая человечество в качестве преобразующего центра этого мира. Для каждого последующего поколения этот «осадок» становится частью новой реальности, в которую оно вносит свои изменения и т. д. При этом онтологическая сущность этого процесса безразлична для его участников, которые руководствуются своими мотивами, желаниями, интересами, стремлениями, сотрудничая и воюя друг с другом. Дело в том, что в собственно онтологические, сущностные отношения с миром вступает не индивид как таковой, а все человечество в целом, состоящее из индивидов. Онтологические отношения - это отношения между сущностями, а не между явлениями. Отношения между «этим деревом» и «этой почвой» это отношения между явлениями, сущность которых обнаруживается тогда, когда мы имеем дело со всей растительностью на Земле и всей почвой, атмосферой и другими естественными условиями существования растительности, т.е. когда мы имеем дело с совокупностями явлений и отношениями этих совокупностей. Такими совокупностями в нашем случае

выступают все явления во Вселенной, с которыми взаимодействует человечество, и все человечество, которое взаимодействует со всей совокупностью этих явлений. Не индивид, а все человечество в целом утверждает себя преобразующим центром мира, а точнее, той его части, того «уголка», где осуществляется эта преобразующая деятельность.

Назовем эту деятельность предметной. В каком отношении находится предметная деятельность индивида к предметной деятельности человечества? В отношении части к целому. Это понятно, но мало что объясняет. В 1919 году Э.Резерфорд впервые осуществил ядерную реакцию. То, что это предметное действие дело рук и ума великого физика, не вызывает сомнения, но не вызывает сомнения и то, что это действие по расщеплению ядра атома осуществило все человечество в лице Э.Резерфорда. Не он, так другой физик рано или поздно добился бы этого результата. Не Америго Веспуччи, так другой мореплаватель открыл бы Америку. Не Армстронг, так другой космонавт стал бы первым человеком на Луне. Для человечества, как «вспышки» разума во Вселенной, гонка «кто первый» не имеет значения, она имеет значение для индивида, для этноса, для страны. Человечество обречено существовать в состоянии интеллектуального и энергетического напряжения, и люди типа Э.Резерфорда, Америго Веспуччи, Армстронга реализуют эту необходимость, которая в области предметной деятельности проявляет себя иначе, чем в области чисто духовной, например, в искусстве, философии, религии. Без Бетховена не было бы «Крейцеровой сонаты», без Л.Толстого - «Анны Карениной», без Августина Аврелия - его «Исповеди» и т.д.

Чисто духовная деятельность это деятельность, не связанная напрямую с предметной в том значении, которое мы придали ей по определению, она развивается по своим законам, имеет свою траекторию. Именно в области чисто духовной деятельности формируются смысловые миры индивидов, которые своими сложными путями влияют на научно-познавательную и предметную деятельность, в процессе которой человечество в целом, а не индивид, становится преобразующим центром мира, т.е. вещей и явлений, существующих вне нашего сознания.

§20. «Паутинные системы».

Если по отношению к ноосфере ее системообразующим центром выступает не индивид, а все человечество в целом, то общество устроено так, что в нем каждый индивид является одновременно и центром и периферией. Речь идет не о том, как сам индивид оценивает свое положение (самоуничижение безграничны), а о фактическом положении дел. Каждый индивид вплетен в сложную паутину взаимоотношений с другими индивидами, а общество в целом состоит из огромного, не поддающегося подсчету, количества систем таких взаимоотношений, в каждой из которых существует своя иерархия соподчинения. Для любого индивида всегда найдется такая социальная система, в которой он в данный момент находится наверху этой иерархии, что, собственно, и равносильно быть центром этой системы. Это может быть семья, круг знакомых, производственный коллектив, армейское подразделение, общественная или государственная организация, религиозное общество и т.д. Даже Робинзон с появлением Пятницы стал центром бинарной системы. Не имеет значения, при каких условиях и по какой причине индивид оказывается центром социальной системы или ее периферийным элементом. Важно само наличие такой ситуации, такого устройства общества, когда ни один индивид не может быть ни абсолютным центром, ни абсолютной периферией. Будучи центром в одной социальной системе, индивид одновременно может являться, и обычно является, периферийным элементом в другой. Социальные системы, относительно которых справедливо это положение, мы будем называть «паутинными системами». Для одного индивида таких систем может быть множество. При этом происходят постоянные перемещения индивидов в рамках одной «паутинной системы» из центра на периферию и обратно. Некоторые «паутинные системы» могут носить стертый характер, но это не меняет всей ситуации.

Я сознательно уклоняюсь от более строгого определения «паутинных систем», от вопроса о существовании социальных систем иного рода, от споров - являются ли этносы, классы, страты «паутинными системами» и т.д. Я ограничиваюсь тезисом, что

каждый индивид всегда включен в такие социальные системы, в которых он либо занимает центральное положение, либо периферийное на разных иерархических уровнях. Эти системы представляют собой то реальное поле, на котором сталкиваются интересы людей (этнические, классовые, религиозные и проч.), добро борется со злом, рождаются и умирают надежды, т.е. происходит все то, что происходит с человеком в жизни.

В сознании индивида «паутинные системы» обретают вид смысловых образов, например, с позиции справедливости или несправедливости. В результате процесса интегрирования этих смысловых образов формируется представление индивида о своем общественном статусе, т.е. о своем месте в жизни.

§21. Нетождественность личностей.

Идеальный мир индивида это единственный мир, в котором субъективное «Я» является центром этого мира, никогда не занимая периферийного положения. Оно - солнце идеального мира индивида. Погрузиться в свое субъективное «Я», значит сжечь себя, потерять рассудок, сойти с ума, чего мы не можем позволить себе в здравое уме. Но мы можем приблизиться к его пониманию логическим путем: «Я» есть «Я», и не может быть «не-Я». «Не-Я» - это уже другой человек с другим идеальным миром. У индивидов может многое совпадать в их идеальных мирах, например, ценностные ориентиры, ощущения, эйдосы, чувства, понятия, мысли и т. д., но никогда и ни при каких условиях не совпадают, не могут быть тождественны «Я» и «не-Я». Индивид может возомнить себя Наполеоном, скрещивать руки на груди и отдавать распоряжения воображаемым маршалам, но наполеоновское «Я» давным-давно умерло на о.Эльба вместе со смертью индивида с именем Наполеон Бонапарт. Даже изменив пол, если это возможно, я не могу стать «Я» любимой женщины, как бы я ее ни любил. Ее «Я» всегда будет только ее «Я». Нетождественны «Я» близнецов, не будут тождественны и «Я» клонов, если они появятся.

За всю историю человечества на Земле «отметились галочкой» миллиарды и миллиарды людей, и «Я» каждого из них не было тождественно ни одному другому. Чем можно объяснить

эту неповторимость, эту неисчерпаемую многоликость множества «Я»? Самобытностью каждого «Я»? Но самобытность в собственном смысле этого слова предполагает какую-то качественную и количественную характеристику личности, что требует сравнения, от которого нас освобождает тезис о нетождественности всех «Я» друг другу. Нетождественность моего «Я» другим «Я» не больше, но и не меньше, чем нетождественность по отношению ко мне Льва Толстого, Квзимодо, бомжа с моего двора и т.д.; она не лучше, но и не хуже, чем нетождественность по отношению ко мне любого живущего на Земле человека, каким бы образованием, культурой, верованиями, нравственными устоями, философскими принципами он, этот человек, ни обладал. Во всех этих случаях нетождественность выступает как необходимая форма существования субъективного «Я», лишенная какого-либо конкретного содержания. Это значит, что все люди равны в нетождественности своих «Я» по отношению друг к другу., т.е. тождественны в своей нетождественности.

Это положение трудно принять, особенно, если иметь в виду экстремальные сравнения: порядочного человека с подлецом, умного с дураком, благородного с негодяем и т.д. Утверждая тождественность всех людей в их нетождественности, мы, таким образом, признаем наличие человеческого «Я» не только в порядочном, умном, благородном человеке, но и в подлеце, дураке, негодяе.

§22. Тождественность «Я» самому себе.

Любое ощущение, любая мысль, любое переживание имеет временные рамки, т.е. возникает и исчезает как явление идеального мира человека, его психики, оставляя какой-то след в нашей памяти. У субъективного «Я» нет таких временных рамок, а точнее, такие рамки совпадают с временем жизни индивида. «Я» в детстве и «Я» в старости - это одно и то же «Я», они тождественны друг другу. Для индивида его «Я» - это некая вневременная константа, отграничивающая его «Я» от всех других «Я», т.е. от всех «не-Я», это «самость» индивида в чистом

виде. Конечно, сознание (психика вообще) ребенка отличается от сознания (психики) старика. У ребенка и старика разное понимание мира, разное понимание самого себя и т.д., т.е. разные идеальные миры. Было бы странно, если бы это не было так. Но есть что-то, что заставляет человека на склоне лет отождествлять себя с ним же ребенком, с ним же юношей, с ним же мужчиной. Это «что-то» и есть «Я» индивида. Мы смотрим на себя в зеркало и говорим: «Как я повзрослел!» или «Как я постарел!» - имея в виду видимые изменения лица, тела, но при этом ни на минуту не сомневаясь, что это тот же «Я», а не другой человек.

Не следует думать, что «Я» индивида, будучи константой, существует как некий неподвижный стержень в его сознании. Вовсе нет: субъективное «Я» каким-то странным образом постоянно воспроизводит себя, т.е. находится в перманентном состоянии рождения и умирания. В таком же состоянии находятся, по-видимому, и клетки нашего мозга и протекающие в нем нейрофизиологические процессы. Остановка биологической жизни мозга означает остановку процесса воспроизводства его функции сознания, т.е. исчезновение сознания данного индивида, а следовательно, и его «Я». До тех пор, пока жив человек и жив его мозг, происходит постоянное, непрерывное воспроизводство его индивидуального «Я», которое существует в этой перманентной подвижности, не изменяясь по существу, т.е. оставаясь тождественным самому себе.

Перманентно возобновляясь, «Я» индивида течет по временной оси, само оставаясь вне времени. Если бы человек каждое утро просыпался с новым «Я», то он мог бы за одну жизнь прожить не одну тысячу человеческих жизней, в этом случае вопрос о смысле жизни надо было бы дополнить вопросом: о какой из прожитых жизней идет речь? Бывает, что с человеком в результате пережитого и передуманного происходят такие кардинальные перемены, которые создают иллюзию нового «Я». Но это только иллюзия, в действительности это тот случай, когда происходит перебор, переосмысливание ценностей, отбрасываются одни и принимаются новые, но все это происходит в рамках одного и того же «Я».

Отсюда вывод: «Я» индивида это такой феномен, я чуть было не сказал «фантом», человеческой психики, который тождественен самому себе и нетождественен любому «не-Я». Ничего иного из логической формулы - «Я» есть «Я», и не может быть «не-Я» - вывести невозможно. По сути, это означает, что «Я» представляет собой единственно возможную форму существования личности, которую личность воспринимает как самостоятельный феномен своей психики. Это две ипостаси «Я», которые сливаются в понятие «личность».

Глава 3. ФЕНОМЕН СМЫСЛА ЖИЗНИ.

§23. Смысловой образ жизни.

Человек является единственным из известных нам материальных образований во Вселенной, которое, в силу своей особой организации, способно осмыслит все, что находится за его пределами, а также свое собственное бытие. Человек - это индивид, который существует в сообществе с себе подобными - другими индивидами, обладающими такой же способностью.

То, что каждый индивид так или иначе осмысливает существование других индивидов, т.е. придает определенный смысл их существованию, неоспоримо. Но этот смысл существует в сознании осмысливающего индивида, является его субъективной оценкой, его субъективным смысловым образом других индивидов. Сообразуясь с такими образами, люди строят взаимоотношения друг с другом в тех пределах свободы, которые допускают обстоятельства.

Другой вопрос: обладает ли жизнь каждого индивида смыслом, независимым от ее восприятия другими индивидами? Отрицательный ответ на этот вопрос равносителен прекращению дальнейших поисков решения проблемы смысла жизни. Я принимаю как аксиому, что каждый индивид обладает своим собственным смыслом жизни, который может значительно отличаться от того смыслового образа, который придают его жизни другие люди. Будучи независим от сознания других индивидов, этот смысл жизни не может находиться где-то за пределами психики данного индивида, он сам является одним из феноменов этой психики. Именно этот феномен, идеальный по своей

природе, придает смысло-жизненную окраску поступкам, действиям человека. Без наличия феномена смысла жизни в психике индивида, хотя бы в самом примитивном виде, была бы невозможна собственно человеческая деятельность вообще. Это утверждение трудно доказать, но обойти его невозможно. Было бы значительно проще представить дело таким образом, что осмысление своей жизни индивидом является чем-то внешним по отношению к этой жизни, чем-то таким, что одному (Льву Толстому) дано, а другому (Ваньке Безродному) не дано, а следовательно, без него можно обойтись, благополучно (или неблагополучно) продолжая свое существование. Но это уже не будет существованием человека как личности. В этом суть вопроса, в этом - важнейшее отличие человека от животного.

§24. Единственность жизни.

Жизнь каждого человека имеет определенные временные рамки, она начинается с рождения и завершается смертью. Я сознательно принимаю это ограничение за исходный постулат всех последующих рассуждений о смысле жизни. Другие постулаты меня не будут интересовать, хотя они вполне допустимы, причем, во множестве вариантов. Есть платоновский вариант души, припоминающей свое пребывание в мире истинного бытия - бестелесных идей; есть христианский вариант воскресения праведников и грешников в минуту Страшного суда; есть индуистская концепция перевоплощения душ по закону кармы; есть светлое пушкинское: «Нет, весь я не умру - душа в заветной лире мой прах переживет и тленья избежит...» Общее у этих и подобных им взглядов на жизнь в том, что они выводят существование человека в телесном или бестелесном виде за пределы его единственной земной жизни. Я не опровергаю и не оспариваю право на существование этих постулатов, я выношу их за скобки моих размышлений о смысле жизни по следующим причинам:

во-первых, постулаты, продлевающие жизнь человека в том или ином виде за пределы его земного существования, не вписываются в мое сложившееся восприятие обычной земной жизни как самооценности. Это сугубо личный мотив, но я не могу не считаться с ним, так как хочу выяснить, как далеко можно

продвинуться в решении проблемы смысла жизни, не разрушая этого восприятия, то есть оставаясь самим собой;

во-вторых, продление жизни человека в ту или иную сторону - до рождения или после смерти - неминуемо переносит поле поисков смысла в такие области, о которых живущий обычной земной жизнью человек не может иметь ясных представлений, а поэтому легко находит решение проблемы смысла жизни, кажущееся ему справедливым, истинным, даже если оно противоречит всем правилам логики, а основано на интуитивной вере. Я не имею ничего против ни интуиции, ни веры, но считаю, что ни то, ни другое не имеют доказательной силы.

Из постулатов, продлевающих обычную земную жизнь человека за ее границы, можно сделать много интересных выводов, построить много смысложизненных концепций, находящих отклик и признание в сердцах и умах сотен и сотен миллионов людей. В этом их безусловная жизненность, прошедшая испытание временем. Заратуштра, Будда, Конфуций, Екклесиаст, Иисус, Мухаммед навсегда вписали свои имена в летопись поисков смысла жизни. Каждый из них был первооткрывателем на этом пути. Честь им и хвала! Но не меньшей хвалы заслуживают и те мыслители, поэты, художники, которые избрали иной маршрут, основанный на убеждении в самоценности земной жизни человека, отвергая саму возможность выхода за рамки этой жизни.

Новые смысложизненные вопросы выдвигает перспектива клонирования человека, но это самостоятельный предмет философского и нравственного осмысления. Хотелось бы, чтобы оно не слишком запоздало.

§25. Ценность жизни.

Феномен смысла жизни это ценностный образ жизни индивида, существующий в его психике. Каково же содержание этого феномена?

Нет сомнения, что величайшей ценностью для индивида является сама его жизнь, его существование как живого существа. Нет жизни - нет и индивида, нет и смысла его жизни. Эта простая

истина, понятная каждому, имеет прочный биологический фундамент - инстинкт жизни, свойственный не только человеку, но и любому живому существу, обладающему более или менее развитой психикой. У человека этот инстинкт приобретает волевую форму: «Я хочу жить!»

Это «я хочу жить» сталкивается с таким же волевым хотением других людей, что уже на примитивном уровне приводит к столкновениям, конфликтам, войнам за хлеб насущный, т.е. за те блага, которые обеспечивают сохранение жизни и продолжение рода. Но это же «я хочу жить» приводит к сотрудничеству, союзу, объединению людей в группы, сообщества, что обеспечивает более устойчивые, надежные, благоприятные условия для сохранения жизни входящих в эти группы индивидов. Даже животные сбиваются в стаи. В группе, в сообществе шансов выжить всегда больше, чем в одиночку.

Можно было бы подробно проследить, как эволюционировала ценность жизни в истории человечества, приобретая все более абсолютный характер. Сегодня эта ценность альфа и омега нравственности, получившая выражение в «золотом правиле» нравственности как в религиозной, так и в философской формулировке:

Иисус Христос: «Итак во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки»;

Иммануил Кант; «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом».

В какой бы последовательности мы ни располагали наши желания, наши максимы, удовлетворяющие этим формулам, мы обязательно приходим к исходному желанию, исходной максиме - «я хочу жить», но уже не как индивидуальному стремлению человеческой особи, основанному на биологическом инстинкте, а как всеобщей человеческой ценности. О степени развития цивилизации можно судить по тому, насколько полно эта цивилизация гарантирует реализацию принципа абсолютной ценности человеческой жизни.

Но если жизнь есть абсолютная ценность, то почему люди добровольно идут на риск, совершают поступки, несовместимые с сохранением жизни? Потому что для индивида его чисто

биологическое существование вовсе не является абсолютной ценностью, перекрывающей все другие ценности жизни, которые могут оказаться сильнее исходной максимы «я хочу жить». Человек не был бы человеком, если бы это не было так. Отсюда вывод, что смысл жизни человека не может быть сведен к его физическому существованию как биологического организма. В противном случае смысл жизни был бы тем больше, чем продолжительнее было бы существование человека от рождения до смерти. Иначе говоря, смысл жизни не может измеряться по шкале прожитых лет, он вообще не имеет количественных параметров.

§26. Историческая реальность.

Можно попытаться опровергнуть последний вывод предыдущего параграфа, сославшись на то, что для Скупого рыцаря смысл его существования измеряется количеством накопленных монет, для Дон Жуана - количеством соблазненных женщин, для футболиста - количеством забитых голов и т.д. Но это мнимые аргументы, ибо в основе их все же лежит качественная оценка смысла «быть человеком»: быть богачем, быть любовником, быть спортсменом и т.д. Количественные измерения вообще возможны только в рамках качественных определенностей, а не между ними. Речь, следовательно, может идти только о том, насколько одна качественная определенность смысла жизни в глазах индивида. оказывается предпочтительней другой. Чтобы разобраться в сути этих предпочтений, необходимо подняться выше их противостояния друг другу.

Действительно, если мы будем представлять себе человечество как рой копошащихся индивидуальных сознаний, что-то вроде муравейника «самостей», спорящих о смысле жизни, то мы обречены на вечное бессмысленное блуждание в безбрежном море индивидуальных смыслов жизни. Но человечество не рой, не муравейник индивидуальных сознаний, всегда равный самому себе, а всегда - конкретно-историческим образом организованная реальность, в которой фактом своего рождения «обречен» жить каждый человек. «Я» индивида формируется в этой реальности и не может быть от нее свободно, а значит, не может быть от нее свободен и смысл жизни этого «Я», что поднимает нас на ту высоту,

с которой хаос превращается в порядок.

За спиной каждого «Я» стоит вся предшествующая история человечества, т.е. множество других «Я», эту историю сотворивших, а следовательно, сотворивших и ту реальность, в которой это «Я» появилось. Мы всегда имеем дело с конкретным человеком, чувствующим и сознающим существом, нерасторжимо связанным с конкретной исторической реальностью, в которой протекает его жизнь от рождения до смерти и за которой стоит реальность всей предыдущей истории. Каким-то непостижимым образом, эта всеобъемлющая реальность концентрируется в каждом конкретном «Я» индивида, а значит, смысл жизни этого индивида не может быть обнаружен вне этой реальности. С этой точки зрения рассуждения о смысле жизни внеисторического вселенского Адама совершенно бесплодны.

§27. Смысложизненные ценности.

Что связывает феномен смысла жизни с той реальностью, в которой пребывает индивид? То, что порождает этот феномен, делает его практически возможным, а именно ценности, с позиций которых индивид так или иначе осмысливает свое существование, наполняет его определенным смыслом. Можно говорить о пространстве ценностей, в котором объективно вращается каждое «Я» и из которого оно «выхватывает» те или иные фрагменты для оценочной ревизии своего существования, т.е. для его осмысливания.

Мы не будем обсуждать проблему ценностей вообще, это предмет самостоятельного исследования. В данной работе мы будем понимать под ценностями такие ориентиры жизнедеятельности человека, которые выступают в его психике в качестве нормативов, установок, оценок, императивов, запретов, целей и т.д. Такие ценности возникают как специфическая форма осмысления человеком отношений между людьми и их отношений к вещам и явлениям, в том числе - воображаемым. Ценности, которые имеют непосредственное отношение к проблеме смысла жизни, мы будем называть смысложизненными ценностями.

Смысложизненные ценности - это такие ориентиры жизнедеятельности человека, которые, будучи вовлечены в

индивидуальное сознание, оказываются сопоставимы с ценностью жизни, т.е. с ценностью существования человека. Для А.С.Пушкина такой смысложизненной ценностью была честь, для Дж.Бруно - истина, для М.И.Кутузова - Россия, для Ромео и Джульетты - любовь, для Наполеона - слава, для И.В.Сталина - власть... Если поставить в один ряд эти и подобные им смысложизненные ценности, то можно попытаться выявить их общую природу. Все они оказываются в сознании индивида смысложизненными ценностями в том случае, если становятся определяющими в решении вечного вопроса: «Быть или не быть?»

Дело в том, что «быть» и «жить» не одно и то же. А.С.Пушкин мог бы не вызывать Дантеса на дуэль и сохранить свою жизнь, но это был бы не Александр Сергеевич Пушкин, а другой человек, он потерял бы свое «Я». Дж. Бруно мог бы отречься от своих «еретических» идей, чего и добивалась инквизиция, и избежать костра, но он предпочел смерть отказу от истины, которую великий Ноланец ценил дороже жизни. Конечно, это экстремальные случаи, и далеко не всегда так бывает. Люди склонны идти на компромиссы с самим собой ради сохранения жизни, но эти компромиссы опять-таки доказывают, что «быть» и «жить» в сознании индивида, как правило, не совпадают. Смысложизненные ценности определяют не жизнь как таковую, как чисто физическое существование человека, а собственно человеческое содержание этой жизни.

То, что мы назвали пространством ценностей, существует вне индивида в массе индивидуальных сознаний его современников и символах духовной культуры. С течением времени в этом пространстве происходят изменения, которые затрагивают как сами образующие это пространство ценности, так и иерархическую структуру этого пространства.

§28. Актуальный смысл жизни.

Смысл жизни индивида таков, каковы доминирующие в его психике смысложизненные ценности, образующие «скелет души», содержание «Я» индивида.

Здесь возникает весьма неприятный, неудобный, каверзный

вопрос: относится ли это утверждение ко всем без исключения ориентирам деятельности человека, т.е. относится ли оно к таким, например, ориентирам, как жестокость, предательство, подлость, лицемерие, стяжательство.., или это утверждение распространяется только на определенный круг ориентиров, таких, например, как доброта, преданность, честь, мужество... Если мы говорим о смысле жизни вообще, как о феномене индивидуальной психики, то, по-видимому, нет оснований для проведения такой градации. Смыслом жизни обладает каждое существо, признаваемое нами человеком, независимо от образующих этот смысл ориентиров жизнедеятельности. Понимаемый таким образом смысл жизни можно назвать актуальным смыслом жизни, т.е. реально присутствующим в «Я» индивида. Актуальным смыслом жизни обладали император Нерон, Жанна Д'Арк, Павлик Морозов, Юрий Гагарин, обладали и обладают все люди, жившие и живущие на Земле. При этом сам индивид может иметь крайне смутное и даже превратное представление о своем актуальном смысле жизни, принимая жестокость за мужество, предательстве за доблесть и т.д.

Актуальный смысл жизни индивида может изменяться во времени, оставаясь сущностью одного и того же «Я». Так, «Я» Савла и «Я» ап. Павла - это одно и то же «Я» по отношению ко всем «не-Я» других индивидов, наполненное разным сущностным содержанием, разным актуальным смыслом жизни. Прозревший Павел - это ослепший Савл. Легче умереть и родиться заново, чем изменить сущность своего «Я», оставаясь все тем же «Я», и тем не менее такие метаморфозы могут происходить и происходят с людьми.

Очевидно, что вполне допустимы сравнения актуальных смыслов жизни разных индивидов. Собственно, мы постоянно занимаемся такими сравнениями, невзирая на известную заповедь - «не судите, да не судимы будете». Нам могут нравиться или не нравиться те ценности, которыми, по нашему мнению, руководствуются в своих поступках, своем поведении другие люди, мы можем считать эти ценности великими или ничтожными, достойными уважения или презрения и т.д. Подобные оценки являются результатом действия многих факторов, как сознательного, так и бессознательного характера,

но суть их в том, что актуальные смыслы жизни разных индивидов представляются нам неравнозначными. Можно предположить, и я думаю - это верно, что неравнозначность актуальных смыслов жизни индивидов в нашем восприятии это не плод нашей фантазии, а отражение их реального состояния в доступной для нас субъективной форме.

Едва ли есть основания сомневаться в многоликости смыслов жизни разных индивидов. Суть проблемы смысла жизни сводится, к тому, чтобы найти ключ к этому многообразию.

§29. Аксиоматический метод.

Самым распространенным методом решения проблемы смысла жизни до сих пор был и остается умозрительно-декларативный метод, т.е. метод аксиоматического определения высшего смысла жизни. Согласно этому методу из многих вариантов смысла жизни выбирается один, который объявляется единственно истинным, подлинным, настоящим, но существующим не как конкретный смысл жизни конкретного человека, а как некий идеал, к которому стремятся или должны стремиться люди, если они хотят быть людьми.

Характерным примером такого рода решения проблемы смысла жизни являются размышления Л.Н.Толстого, который, перебрав и отклонив ряд вариантов, пришел к выводу, что истинный смысл жизни может заключаться только в стремлении человека к тому совершенству, на которое указал Христос, сказав: «Будьте совершенны как отец ваш небесный». Основываясь на этой аксиоме, Л.Н.Толстой вывел свои заповеди нравственного совершенствования:

«1. Будь в мире со всеми, не позволяй себе считать другого человека ничтожным или безумным.

2. Не смотри на красоту плотскую как на потеху. Бери муж одну жену, а жена - одного мужа и не покидайте друг друга ни под каким видом.

3. Не давайте никаких обетов.

4. Третий соблазн - это месть, называемая человеческим правосудием; не мсти..., неси обиды и не делай зло на зло.

5. Знай, что все люди братья..., и не нарушай мира ни с кем во имя народных целей».

Такого же метода придерживался П.Л.Лавров, который в основу своей концепции нравственности положил принцип человеческого достоинства.

Можно было бы привести и другие примеры аксиоматического решения проблемы смысла жизни, но в этом нет необходимости. В мои намерения входит найти другой путь, другой метод, который позволил бы сузить действие субъективного фактора в поисках ответа на сакраментальный вопрос о смысле человеческого существования. Для этого необходимо, во-первых, не отступать от тех выводов, которые были сделаны в предыдущих параграфах, во-вторых, наступить на горло собственных предпочтений, интуитивно связанных с естественным желанием оправдать собственную жизнь, и, в-третьих, самое главное, оставаться в той реальности, в которой я живу - реальности начала XXI века. Я называю последнее условие главным по той причине, что, как мне представляется, вообще невозможно решать проблему смысла жизни во вневременном масштабе, если не вводить в рассуждения некий всегда равный самому себе фактор, будь то сверхчеловеческий разум, сверхчеловеческая воля или Вселенная в целом. Но всякие предположения о наличии такого разума, такой воли, среди которых много интересных, я с самого начала вывел за рамки данной работы, что же касается Вселенной в целом, то, как уже говорилось, она не может быть таким фактором, определяющим смысл жизни человека, поскольку не обладает собственным, независимым от человека, смыслом.

Единственное, на что можно опереться без колебаний, это человечество в его современном состоянии, вобравшее в себя в явном или скрытом виде все свои предшествующие состояния, имевшие место за все время своего существования. Экстраполировать современное состояние человечества даже на ближайшую сотню лет, учитывая нарастающие темпы изменений практически во всех сферах жизнедеятельности, едва ли целесообразно, а на более отдаленную перспективу просто невозможно.

Проблема смысла жизни не может иметь основой своего решения неопределенные футурологические прогнозы.

§30. *Существование человечества.*

Факт, который никем не может быть оспорен, состоит в том, что человечество существует, пройдя многотысячелетнюю историю войн, социальных потрясений, злодеяний, предательства, подлости, разврата и т.д., причем формы самоуничтожения становились все более изощренными, а их масштабы - все более глобальными. Обычно мы принимаем этот факт как самоочевидный и мало обращаем на него внимания, хотя он имеет фундаментальное значение, и любая философия человека, в том числе философия смысла жизни, должна быть когерирована (согласована) с этим фактом, поэтому он требует особого рассмотрения.

Раз человечество существует, значит его бытие до сих пор торжествовало и торжествует над небытием, несмотря на колоссальные жертвы, потери, утраты. Это не только массовые человеческие жертвы, т.е. смерть особей биологического вида «Человек разумный» от рук себе подобных, от эпидемий, голода, природных катаклизмов, к которым в XX веке присоединились страшные техногенные катастрофы, но и преждевременный уход из жизни от пули, яда, гильотины, на костре, в застенках, от невыносимых условий существования умов, гениев, талантов, т.е. людей, потеря которых невосполнима, сколько бы новых дарований ни породило человечество. За всю историю с древнейших времен до наших дней с лица Земли исчезли многие народы, утрачены навсегда огромные материальные и культурные ценности. Как же человечество смогло все это перенести и не обратиться в небытие? Ни один вид животных не смог бы пережить и тысячной доли подобных потрясений, чему есть многочисленные примеры.

Ответ на этот вопрос еще не найден и найти его трудно, особенно если учесть, что человечество сравнительно недавно стало организовываться в единую саморегулирующуюся систему, а в прошлом было представлено конгломератом разбросанных

по территории нашей планеты локальных образований, будь то племена или государства. Можно предположить, что уже в локальном, даже малочисленном, сообществе людей появляется достаточно мощный механизм самосохранения (совместный труд, разделение труда и т.п.), который обеспечивает выживание этого сообщества, правда далеко не всегда, при экстремальных условиях. Этот механизм набирает силу по мере появления и развития первых признаков глобализации основных видов человеческой деятельности. Одним из первых шагов на этом пути было образование империй.

Но есть, на мой взгляд, еще одно объяснение того факта, что бытие человечества не обратилось в небытие, несмотря на огромные потери, особенно человеческих жизней: эти жертвы, которые в каждом конкретном случае являлись следствием борьбы интересов или рокового стечения обстоятельств, требовали у оставшихся на земле особого напряжения физических и умственных сил и в этом и только в этом смысле не были зряшными, напрасными, бесполезными жертвами, списанными из истории человечества. Своим уходом из жизни мертвые заставляли живых жить более интенсивной жизнью, они как бы передавали живым свою неизрасходованную энергию, свои неосуществленные проекты. Как больной реагирует на болезнь целительным повышением температуры, так и человечество реагировало на свои потери ростом активности, изобретательности, самоотверженности, что в каждом конкретном случае не всегда сопровождалось успехом, но в целом было спасительной для всего человечества самосохранительной реакцией.

Так или иначе, человечество существует несмотря ни на что, и не просто существует, а пребывает в определенном состоянии. К XXI столетию оно значительно продвинулось по пути формирования единой системы с общим механизмом саморегуляции, обладающей большим запасом прочности. При этом в рамках этой системы продолжает нарастать процесс глобализации, охватывая практически все основные сферы и виды жизнедеятельности людей - производство и потребление материальных благ, экономические и социальные отношения, сферу экологии, духовную жизнь (науку искусство, религию, нравственность, философию и т.д.), сферу информационного общения, политику, сферу досуга и т.д. Даже движение «антиглобалистов» имеет тенденцию превратиться в глобальное явление современности. Под глобализацией

я понимаю такую тенденцию общественного развития, суть которой состоит в том, что, во-первых, данное общественное явление с его характерными чертами получает распространение на все большее число этнических и государственных сообществ людей, во-вторых, происходит усиление взаимосвязи и взаимозависимости людей, участвующих в данном явлении, независимо от их этнической и государственной принадлежности, и, в-третьих, число таких явлений непрерывно растет, охватывая все новые области жизнедеятельности людей, населяющих нашу планету. В этом понимании глобализация означает, что люди становятся все ближе и зависимее друг от друга. При этом не следует забывать, что глобализация может принимать уродливые формы, например, «золотого миллиарда», что порождает не менее уродливые протестные явления вроде международного терроризма и т.п.

Такова в самых общих чертах та реальность, которая находит выражение в факте существования человечества в начале XXI века.

§31. Транспозиция в будущее.

В каждой реальности действуют созидательные и разрушительные тенденции, причем всегда в очень сложном переплетении. Действуют они и в современном обществе. При этом в целом в истории человечества до сих пор одерживали верх созидательные тенденции, в противном случае человечество давно бы прекратило свое существование, так и не дотянув до начала третьего тысячелетия, как это произошло со многими конкретными сообществами людей. Каждая из этих тенденций проявляется в отношениях между людьми и в их отношениях с природой, что получает отражение в психике индивидов в виде тех или иных ориентиров жизнедеятельности, т.е. жизненных ценностях. Общее соотношение между созидательными и разрушительными тенденциями в пользу первых отражается в психике массы индивидов как превалирование таких ориентиров (ценностей), которые в конечном счете отражают созидательные тенденции и работают на них. Эта ситуация в идеальном мире жизненных ориентиров (ценностей) существует как объективная реальность по отношению к психике каждого отдельного индивида, так или иначе причастного к этой ситуации, что в принципе позволяет дать объективную оценку субъективному

феномену - смыслу жизни индивида.

Не трудно понять, что принципиальная возможность объективной оценки смысла жизни индивида может быть реализована только в том случае, если мы, во-первых, имеем достаточно ясное представление о созидательных и разрушительных тенденциях, действующих в данной реальности, и, во-вторых, имеем не менее ясное представление о тех ориентирах (ценностях), которые эти тенденции отражают и работают на них. Непосредственные участники данной реальности, опираясь только на эту реальность, такими ясными представлениями не обладают и обладать не могут ибо их сознание застилают предрассудки, мифы, «идолы» своего времени. Ясность как истина в этом вопросе прерогатива потомков, приблизиться к ней мы можем лишь одним способом - мысленно перенеся себя в будущее, заняв тем самым позицию стороннего наблюдателя.

Может показаться, что такая транспозиция «Я» в будущее опять уводит в сугубо умозрительную область абстрактных рассуждений без опоры на реальность, но это не так. Дело в том, что мы сегодня уже являемся сторонними наблюдателями по отношению к предыдущим поколениям, те, в свою очередь, к своим предкам и т.д., а это значит, что человечество за всю историю своего существования уже накопило богатейший опыт критического отношения к жизненным ориентирам, ценностям, смыслу жизни индивидов. Этот опыт, так или иначе, закреплен в философских и религиозных учениях, в творениях литературы и искусства, в том, что мы называем общественным мнением и народной мудростью. Именно этот опыт позволяет нам составить более или менее внятное представление о таких смысложизненных ценностях как благо, добро, справедливость, честь, ответственность, мужество... применительно к той реальности, в которой мы существуем. При этом мы интуитивно занимаем позицию стороннего наблюдателя, переносим наше «Я» в будущее, не задумываясь об этом переносе.

Транспозиция «Я» в будущее для массы индивидов не составляет большого труда в мире, который носит относительно спокойный, устоявшийся характер. Но чем беспокойнее время,

чем неопределеннее будущее того сообщества людей, к которому мы принадлежим, тем болезненней процесс объективной оценки смысла жизни. Эту ситуацию удивительно точно отобразил Сергей Есенин:

«...Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму -
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть,
Большое видится на расстоянии...»

Эти строки были написаны в 1924 году. Сегодня Россия в таком же мучительном состоянии. Этим во многом объясняется естественная в такой ситуации тяга к «вечным истинам» религии, в которых закреплён многовековой опыт смысло-жизненных оценок. Но не менее важен сегодня и философский опыт, в основе которого, какую бы умозрительную, метафизическую ферму он ни имел, всегда лежало убеждение в том, что существует некий объективно высший смысл человеческой жизни. Я разделяю это убеждение, но считаю, что этот высший смысл всегда связан с реальностью, в которой живет человек, а следовательно, не может быть тождественен самому себе во все времена, во всех сообществах людей. Этот смысл связан с созидательными тенденциями в данной реальности, т.е. такими тенденциями, которые работают на существование человечества и отдельного человека.

Ничего более определенного о созидательных тенденциях без их специального изучения сказать невозможно. Это именно тенденции, а не совокупность явлений или событий. Я бы даже не стал ставить знак равенства между созидательными тенденциями и прогрессом, само наличие которого в истории человечества достаточно проблематично, стоит только поставить вопрос: прогресс в чем? Созидательные тенденции - это не то, что движет общество вперед, а то, что позволяет ему существовать именно как сообществу людей, непрерывно изменяющему форму своего существования.

§32. Объективная оценка смысла жизни.

Если принять допущение, что нам известны созидательные и разрушительные тенденции в данной реальности и соответствующие этим тенденциям смысложизненные ценности, то становится в принципе возможна объективная оценка смысла жизни индивида при условии, что нам известен этот смысл жизни, т.е. что мы имеем адекватное представление о нем. Чтобы составить такое представление, было бы естественно заглянуть непосредственно в душу человека, в его идеальный мир, но мы не можем этого сделать, поскольку этот мир не может предстать перед нами как открытая книга, мы не можем своими глазами прочитать в ней ни одной строчки, т.к. не можем стать «Я» этого человека, перевоплотиться в него, сделать его идеальный мир своим миром.

Может быть сам человек способен открыть свою душу, рассказать о смысле своей жизни? Допустим, что мы имеем дело с искренним человеком, который, не кривя душой, старается, как на исповеди, поведать нам о смысле жизни. Что мы узнаем? Мы узнаем, как этот человек понимает, как он осознает смысл своего существования. Но осознание смысла жизни и сам смысл - это не одно и то же. Мы определили актуальный смысл жизни как совокупность таких жизненных ориентиров (ценностей), которыми индивид руководствуется в своей жизнедеятельности, но руководствуется - не значит осознает их такими, какие они есть, т.е. имеет об этих ориентирах адекватное представление. Зло в глазах индивида может выглядеть добром, а предательство - доблестью.

Есть только один надежный способ составить более или менее верное представление о смысле жизни индивида - обратиться к его делам, его поступкам, его конкретной жизнедеятельности. Какой бы искаженной, порой до превратности, не была субъективная оценка индивидом феномена смысла жизни, его конкретная деятельность все же будет ни чем иным как «опредмечиванием» именно этого феномена, а не его субъективного образа. Недаром говорят, что о человеке надо судить не по его словам, а по его делам. Это полностью относится

и к проблеме смысла жизни. При этом не следует забывать, что феномен смысла жизни, как и его субъективный образ, представляет собой явление идеального мира человека, его психики. Идеальное же вообще, именно как идеальное, не может выйти за пределы своего материального носителя - мозга и внедриться как некая бестелесная субстанция в движения органов и частей тела человеческого организма (глаз, языка, рук, ног и т.д.), из которых в конечном счете образуется вся деятельность человека по изменению внешнего мира, как природного, так и человеческого. Между идеальным (психикой) и деятельностью человека существует функциональная зависимость, благодаря которой деятельность содержит информацию о состоянии идеального (психики), т.е. является его символом. Именно символический характер этой деятельности позволяет познать идеальное, в том числе и феномен смысла жизни, не заглядывая в душу, не становясь «Я» другого индивида и не полагаясь на его собственную субъективную оценку своего идеального мира вообще и феномена смысла жизни в частности.

Между конкретной деятельностью человека и идеальными смысложизненными ориентирами этой деятельности есть посредник, которым являются цели, которые ставит перед собой человек, прогнозируя и осуществляя свою деятельность. Конечно, не всякая цель имеет отношение к смысложизненным ориентирам, например, ничего общего с ними не имеют такие цели, как «перейти улицу», «выпить чашечку кофе», «поцеловать женщину» и т.д. Но среди множества различных целей, которые постоянно ставит перед собой человек, есть такие, которые определяют не только и не столько отдельный поступок, отдельное действие, сколько направление деятельности на более или менее продолжительный период : «покорить самую высокую горную вершину», «полететь в космос», «стать вором в законе», «получить высшее образование» и т.д. Это доминирующие в жизни человека цели, цели, которые можно охарактеризовать как жизнеопределяющие. Именно через такие цели раскрывается феномен смысла жизни, реализуясь в деятельности человека по их достижению.

Психологический механизм целеполагания не является предметом философских рассуждений. В философском плане важно то, что формирование жизнеопределяющих целей всегда связано с определенной свободой выбора: если нет выбора - нет и цели, а есть слепая необходимость. Выбор жизнеопределяющих целей корректируется смысложизненными ориентирами (ценностями), независимо от адекватности их осознания индивидом. Это не значит, что индивид не может ставить перед собой цели, не совпадающие с его смысложизненными ценностями, но, оказавшись в такой ситуации, он рискует разделить судьбу канатоходца, балансирующего на грани нервного срыва. Искалеченная психика миллионов людей - одно из гнуснейших последствий тоталитарных режимов, жестко, если не сказать - жестоко, регламентирующих выбор жизнеопределяющих целей своих подданных.

§33. Шкала ценностей.

Жизнь человека - это абсолютная ценность, но ценность этой ценности, то, что мы называем содержанием смысла жизни, состоит не в количестве прожитых лет, а в том, что эту жизнь наполняет и что определяется ценностными установками «Я» индивида. Эти установки (ориентиры) допускают сравнение, в результате которого в сообществе людей вырабатывается некая шкала этих установок, по которой «распределяются» смыслы жизни всех членов этого сообщества. При этом, чем шире сообщество, чем ближе оно к человечеству в целом, тем адекватнее эта шкала ценностей отражает созидательные и разрушительные тенденции в обществе, которые далеко не всегда осознаются людьми таковыми в конкретном сообществе людей, скажем, в этносе, в сообществе единоверцев и т. д. Процессы глобализации явно работают на примат общечеловеческой шкалы ценностей, хотя в реальной жизни индивиды почти всегда «втиснуты» в узкие рамки тех или иных конкретных сообществ с соответствующей каждому из них шкалой смысложизненных ценностей. Тех, кто пытался или пытается выйти за эти рамки, современники приговаривают к отравленной чаше вина, как Сократа, распятию на кресте, как Иисуса, объявляют сумасшедшим, как Чаадаева,

клеймят прозвищами отщепенцев и диссидентов, врагов народа, уничтожают в тюрьмах и лагерях, высылают из страны, как в советской империи и т.д.

Как мне представляется, воображаемая, но, тем не менее, существующая общечеловеческая шкала ценностей, имеющих смысложизненное значение, отражает саму историю становления и эволюции человеческой цивилизации, поскольку на этой шкале время от времени появляются новые, более высокие отметки, «риски». Начинается эта шкала с отметок, которые соответствуют ценностям «словесных зверей», по образному и точному выражению псковского летописца. Ниже этих отметок нет ценностей, нет человека, нет и смысла жизни.

Я не случайно назвал общечеловеческую шкалу смысложизненных ценностей воображаемой, но существующей. Действительно, эта шкала не линейка, которую можно «приложить» к человеку, к его жизни. К счастью, такой «прокрустовой» линейки человечество еще не изобрело и не дай бог, если изобретет. Здесь важны не миллиметры отсчета, а принципиальное признание того факта, что в обществе существует определенная иерархия ценностей, причем людей всегда привлекали поиски высших ценностей жизни. Под решением проблемы смысла жизни чаще всего подразумевалось открытие и обоснование таких ценностей, под них создавались мощные философские и религиозные учения. У Платона это учение о безусловном благе; у Аристотеля - этика добродетелей, к которым он причислял мудрость, рассудительность, мужество, справедливость; у Августина Аврелия - учение о божественной благодати; у И.Канта - этика долга (учение о моральных максимах); у Н.Бердяева - философия любви; в современной философии - этика ответственности и т.д. Есть и другие, не столь определенные и обоснованные, но не менее интересные решения проблемы высших ценностей и смысла жизни. Так, известный гуманист А. Швейцер выдвинул тезис, противоположный декартовскому - «я мыслю, следовательно, существую»: «я - жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить», из которого он вывел свой основной этический принцип - «благоговение перед жизнью».

То, что я называю «шкалой ценностей», является шкалой сравнений, т.е. продуктом мыслительной деятельности людей, это относится и к высшим смысложизненным ценностям. Вопрос можно поставить так: имеют ли высшие смысложизненные ценности объективное содержание, или они от начала до конца - плод воображения гениальных мыслителей? Мы, по сути, уже ответили на этот вопрос: объективным содержанием высших смысложизненных ценностей является такая деятельность человека, которая совпадает с созидательными тенденциями в человеческом обществе.

Чрезвычайная многогранность такой деятельности не может не породить многообразие ответов на вопрос о высших ценностях жизни, которые, как их ни формулируй, не в состоянии вместить в себя всю созидательную деятельность без остатка. В эту проблему прибавляет сложности и то обстоятельство, что между созидательными и разрушительными тенденциями существует определенная диалектика взаимоотношений: созидание связано с разрушением, а разрушение - с созиданием. Отсюда неизбежная связь добра со злом, блага с не-благом и т.д. Однополюсной мир ценностей так же невозможен, как однополюсной магнит. Это не значит, что добро и зло, благо и не-благо и т.д. являются однопорядковыми ценностями с противоположным знаком. Созидание всегда требует больших усилий, чем разрушение; соответственно, добро и благо являются в волевом отношении более труднодостижимыми ценностями, чем зло и не-благо.

Глава 4. СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

§34. *Бытие и небытие человека.*

Мы вплотную подошли к самой сути проблемы смысла жизни индивида. Эта суть связана с тем очевидным до банальности обстоятельством, что каждый индивид рождается, живет и умирает. Рождение и смерть - это те крайние точки жизни, за которыми для индивида нет бытия, а есть небытие. Небытие до рождения и небытие после смерти одинаково непостижимы для живущего человека. Это как раз те опасные зоны для

человеческой психики, в которые мы инстинктивно избегаем заглядывать, вчувствоваться и вдумываться. Но для философии нет запретных зон, напротив, такие зоны всегда привлекали внимание философов именно своей непостижимостью.

В чем эта непостижимость в данном случае? В том, что, с одной стороны, небытие данного индивида до рождения и его небытие после смерти это реальность отсутствия жизни этого индивида, а точнее, реальность, в которой эта жизнь отсутствует, с чем нельзя не согласиться; с другой стороны, отсутствие жизни, небытие индивида для индивида живущего есть нонсенс, нелепица, нечто несовместимое с жизнью, т.е. невозможное. В логических категориях «бытия» и «небытия» небытие «Я» индивида вполне допустимо, имеет естественнонаучное объяснение, согласуется с опытом общения с другими людьми и т.д. Но «Я» индивида не может ни чувствами, ни разумом примириться с отсутствием этого «Я», несмотря ни на какие доводы, доказательства, опыт. «Я» индивида не может в реально чувствующем и мыслящем состоянии растянуть свое существование за ту грань, которая отделяет бытие этого «Я» от его небытия. «Я» это мир, который вечен для этого «Я» пока оно пребывает в бытии, пока существует, ибо другого мира у этого «Я» нет и быть не может. Эту ситуацию можно выразить в простой формуле: «я вечен, пока я живу!» Ее алогизм есть следствие алогизма небытия для данного «Я» индивида, для которого восприятие собственного существования как вечности разумнее всех логических формул и категорий.

Проблема смысла жизни для «Я» индивида это проблема такого «Я», которое воспринимает себя как вечно существующее «Я», непрерывно воспроизводящее себя в себе самом. Ощущение вечности дает человеку то, что он может одновременно «жить» в разных временных мирах - в прошлом, настоящем и будущем. Идеальный мир человека это мир со смещенными и смешанными временными параметрами. В каждый момент времени человек переживает не только свою прожитую жизнь, но и жизнь своих предков, он обращается к родовым воспоминаниям, к исторической памяти о минувшем в той мере, в какой это минувшее ему известно или представляется по мифам, преданиям,

легендам. Эта способность «Я» индивида погружаться в прошлое оказывает непосредственное воздействие на смысловую картину настоящего, т.е. на восприятие той реальности, в которой индивид существует, в результате у «Я» индивида возникает чувство сопричастности к прошлому своего рода, своего сообщества, всего человечества. Чем обширнее историческая память индивида, тем глубже и острее это чувство, тем «вечнее» его «Я» для него самого. Но человек не только погружен в прошлое, он постоянно живет будущим (будущим урожаем, зарплатой, погодой на завтра, предстоящей свадьбой, рождением ребенка, выборами, судьбой страны и т.д.), т.е. постоянно погружен в мир той реальности, в которой ему предстоит жить. Эта зависимость от будущего основана на подсознательном убеждении, что это будущее будет, что его не может не быть, а, следовательно, небытие «Я» невозможно. Настоящее в идеальном мире индивида всегда балансирует между прошлым и будущим, оно вообще не может существовать без них в «Я» индивида.

§35. Понятия «жизнь» и «смысл жизни».

Сугубо личное отношение человека к небытию своего «Я» как невозможному состоянию не снимает проблему смысла жизни, т.е. бытия «Я», ограниченного рождением и смертью. Можно сказать, что именно эта ограниченность жизни и порождает проблему смысла жизни. Действительно, вечная жизнь не может иметь смысла не только по причине невозможности такой жизни, но и потому, что вечность в принципе могла бы вместить в себя все возможные смыслы жизни, т.е. была бы совершенно неопределенной в этом отношении. Другое дело жизнь, ограниченная определенным интервалом времени. Временная определенность жизни порождает смысложизненную определенность, хотя и допускает значительные колебания в границах этой определенности. Смысл жизни может изменяться в течение жизни, но, во-первых, число таких изменений всегда конечно и, во-вторых, всегда есть последний смысл жизни, предшествующий небытию индивида, т.е. его смерти.

В этих рассуждениях мы, не оговариваясь особо,

подразумеваем, что концепт понятия «жизнь» и концепт понятия «смысл жизни» отличаются друг от друга. Это действительно так: под жизнью мы понимаем ограниченное во времени земное существование человека, так сказать, его досмысловое существование, хотя это лишь абстракция, ибо любая собственно человеческая жизнь предполагает наличие какого-то смысла, а любой смысл жизни предполагает существование человека. Само понятие «смысл жизни», выяснением сути которого мы занимаемся, включает в себя это различие, как, скажем, понятия «свет звезды», «запах розы», «шум ветра» и т.д. Во всех этих случаях «свет», «запах», «шум» являются проявлением (можно сказать, функцией) чего-то - «звезды», «розы», «ветра». Смысл жизни это тоже проявление (функция) жизни, т.е. существования человека, и может быть в нашем абстрактном мышлении выведен за скобки этого существования, которое в этом случае и может мыслиться как «досмысловое» бытие индивида. Как только мы ставим вопрос: «В чем смысл моей жизни?» - мы тут же начинаем мыслить жизнь как что-то отличное от ее смысла, как звезду без света. Такой абстракцией жизни, не оговаривая это каждый раз, мы будем пользоваться в дальнейшем.

Далеко не всякое проявление жизни человека в силу ее многогранности и разнообразия выходит на уровень смысложизненных оценок, например, кашель простуженного человека, испуг от взорвавшейся рядом петарды, послеобеденный сон, увлечение рыбалкой и т.д., не говоря уже о естественных отправлениях, о которых не принято вспоминать в философских сочинениях. Жизнь как лавка мелочей не может быть объектом размышлений о смысле жизни.

На уровень смысложизненных оценок выходят такие проявления жизни человека, которые так или иначе связаны с жизнеполагающими целями, т.е. целями, от которых зависит судьба человека. Эти цели могут быть великими или ничтожными, само собой разумеющимися или возникшими в результате интуитивного озарения, ясными или туманными, целостными или фрагментарными и т.д., но их объединяет одно - все они дают направление жизни человека в целом или сравнительно большим

периодам этой жизни, что не позволяет ей рассыпаться до атомарного состояния. Такой всеохватывающей целью жизни было для Фауста «прекрасное мгновение», для протопopa Аввакума - истинная вера, для маршала Жукова - разгром гитлеровской Германии, для Юрия Гагарина - полет в космос, для миллионов крестьян России - хлеб... Но не следует забывать, что свои жизнеполагающие цели были и у Дракулы, Гитлера, есть они и у террористов-смертников, у серийных убийц и у других «словесных зверей», которых общество тем не менее признает людьми и судит по человеческим законам, а не убивает как бешеных собак.

§36. Жизнь как «не-смерть».

Какое значение имеет феномен смысла жизни для самой жизни индивида? Этот вопрос можно сформулировать и так: не все ли равно, с каким смыслом проживает человек свою жизнь, если его существование всегда ограничено рождением и смертью?

Человек приходит в этот мир из небытия и в небытие уходит, оставляя после себя какой-то след в этом мире, в той реальности, в которой он существовал. Это так, бесследно исчезнувших людей нет, есть пропавшие без вести. Но этот след, оставленная человеком «галочка», для самого индивида после его ухода в небытие есть фикция, т.е. нечто несуществующее, поскольку «Я» индивида уже нет и оно не может этот след воспринимать, «ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?» Привести, действительно, никто не может, но при жизни индивид способен оценивать свое бытие из небытия. Немного найдется таких людей, если они вообще есть, которые были бы начисто лишены такой способности. В своем идеальном мире человек может свободно передвигать свое «Я» по временной оси, выходя далеко за пределы временного интервала своего земного существования, т.е. в ту или другую сторону от своего бытия, что, собственно, и порождает ощущение вечности этого «Я». Можно сказать, что человек живет, постоянно заглядывая за ту грань, которая отделяет его бытие от небытия. Что интересует его за этой гранью? То, какую оценку его жизни дадут те, кто будет жить после него: проклянут ли его или будут благодарны, будут ли

вообще помнить о нем и т.д. Очевидно, что такая самооценка жизни человека через будущее всегда субъективна, а часто и противоположна той оценке, которая в действительности ожидает этого человека, его дела и помыслы в будущем.

«Оглядка» на будущее - не праздное занятие, она либо укрепляет, либо действует разрушительно на тот «скелет души» (ценностные ориентиры), который, в конечном счете, определяет выбор жизнеполагающих целей и деятельность по их достижению в той реальности, в которой живет человек.

Но никакие перемещения «Я» по временной оси не раскрывают значение феномена смысла жизни для данной жизни данного индивида, ибо этот феномен все равно остается в этой жизни. В простых словах «я живу один раз, и другой жизни не будет» скрыта величайшая тайна, эта тайна - та бездна, в которую опасно заглядывать без опоры на разум.

Именно этой тайной и желанием проникнуть в нее можно объяснить бесконечные сравнения жизни с чем-либо достаточно ясным для нашего разума: с игрищами; с пламенем свечи или ее воском; с гильотиной; с храмом Соломона; с героическим маршем; с цветком; с рекой, впадающей в море смерти; с движением по коридору или трубе; с путешествием или странствием; с островом в океане; с математикой; с маскарадом или карнавалом; с лабиринтом; с колесом («колесо жизни»); с копилкой сокровищ; с театральной сценой; с болезнью; со скаковой лошадкой; с романом; с затычным прыжком (из утробы в могилу); с миражем; с полем битвы; с шахматной игрой; с книгой; с дорогой, ведущей в пропасть; с азартной игрой; с богослужением; с огнивом, высекающим искру мысли; со странствующей тенью; с покатой плоскостью; со школой; с позолоченной пилюлей; со скверной шуткой и т.д. и т.п. Но все эти и подобные им сравнения не только не приближают нас к пониманию тайны жизни, но скорее делают эту тайну еще таинственней.

Для существенного определения жизни мы воспользуемся определением смерти С.Н.Булгакова; «Смерть есть не-жизнь». Это не пустое по содержанию определение, мы действительно ничего иного о смерти не знаем и сказать не можем. Я думаю, это та граница, за которой разум бессилён.

Обратим это определение смерти на жизнь: «Жизнь есть не-смерть». В смерти как «не-жизни» все люди, все «Я» индивидов равны (тождественны). «Смерть всех уравнивает», - говорит русская пословица, и с этим трудно поспорить: ничто = ничто, чьим бы «ничто» это не было. Другое дело жизнь как «не-смерть». Единственное равенство, о безусловном существовании которого можно говорить относительно жизни в этом понимании - это равенство людей в факте рождения, в факте появления новой жизни. Речь идет о факте явления человека в мир бытия, а не о физиологическом процессе зачатия и родов. Все «Я» индивидов равны именно в факте явления в жизнь, во всем остальном это явление в жизнь различно (разные отцы и матери, зачатие «в пробирке», преждевременные роды и т.п.). С факта явления в жизнь равенство (тождество) между людьми исчезает. Жизнь как «не-смерть» одного человека не равна (не тождественна) жизни как «не-смерти» другого человека, как бы ни были похожи их судьбы.

§37. Идеал человека.

Сущностным неравенством жизней индивидов является такое, которое связано со смыслом жизни, но не с многообразием смыслов жизни как таковым, которое очевидно, а с тем, что за этим многообразием скрыто.

Посредством системы ценностей в обществе формируется идеал человека, фокусирующий высшие ценности, т.е. такие, которые отражают созидательные тенденции и работают на них. Чем ближе сообщество людей к человечеству в целом, тем общезначимее становится этот идеал. По отношению к индивиду идеал человека существует объективно, он существует в той реальности, в которой индивид оказывается фактом своего явления в жизнь. Актуальный смысл жизни индивида может приближаться или удаляться от этого конкретно-исторического идеала человека, т.е. существующего в данной реальности, что и создает сущностное неравенство в жизни как «не-смерти» разных индивидов. В этом ответ на поставленный вопрос о значении смысла жизни для жизни индивида.

Сплошь и рядом то, что принято называть идеалом человека,

трактуются либо как высшая степень человекоподобия, либо как богоподобие. В первом случае предполагается, что в каждом человеке, явившемся в жизнь, изначально заложены определенные собственно человеческие качества, которые могут быть так или иначе реализованы в жизни, а могут быть и не реализованы вовсе. Это удобная для умозрительной философии точка зрения, позволяющая постулировать сущность человека в абстрактных категориях добра, справедливости, долга и т.п. Понимаемая таким образом абстрактная сущность человека и рассматривается как не менее абстрактный идеал человека. Но человек рождается как биологическое существо, обладающее только биологическими инстинктами и физиологическим потенциалом способностей. Не более того. Генов добра, справедливости, долга не существует, как не существует генов зла, несправедливости, безответственности. Генная инженерия, примененная к человеку, не способна вывести породу добрых людей, как не способна искусственно создать породу злых людей. Можно высказать гипотезу, что клон Швейцера (его точное биологическое подобие) не обязательно будет новым Швейцером-гуманистом, а клон Чикатило не обязательно будет новым серийным убийцей. Реальный идеал человека это продукт интеллектуальных и эмоциональных усилий многих и многих поколений, за которыми стоят тени неисчислимых жертв, интуитивных озарений мыслителей, художников, столпов веры, многомудрые рассуждения философов, невидимая для глаз, но не прекращающаяся ни на мгновение стихийная деятельность народных масс по выработке общезначимых смысложизненных ценностей. Если все же допустить, что человечество получит возможность манипулировать нравственными и иными ценностями на генно-молекулярном уровне, то в этом случае проблема смысла жизни из философской перейдет в разряд медицинских проблем, а само человечество едва ли сохранит известную нам форму космической цивилизации. Что же касается второго случая - трактовки идеала человека как богоподобия, то это область не философии, а богословия, от которой я дистанцировался с самого начала и буду выдерживать эту дистанцию.

§38. Полнота жизни.

Значение смысла жизни индивида для его жизни как «несмерти» раскрывается в сравнении с реально существующим в сообществе людей (в пределе - человечества в целом) идеалом человека, а не с некой абстрактной сущностью человека, якобы изначально присущей ему, т.е. заданной природой или богом. Этот реальный идеал и есть действительная сущность человека в данной реальности времени и места человеческой истории, т.е. реально существующая сущность человека. Именно о реализации этой определенной, а не абстрактной, внеисторической, сущности человека можно говорить применительно к жизни индивида, существованию его «Я». Чем ближе смысл жизни индивида к реальному идеалу человека, т.е. к его конкретно-исторической (другой не бывает) сущности, тем с большей полнотой реализуется в этом индивиде его человеческая сущность в этом и только в этом ее понимании. И наоборот, чем более расходится смысл жизни индивида с реальным идеалом человека, тем с большими потерями реализуется сущность человека в жизни этого индивида.

Каждый индивид рождается с равными возможностями реализовать свою человеческую сущность, понимаемую как конкретно-исторический идеал человека в данной реальности. В этом состоит суть дара рождения, явления в жизнь как «несмерть». От обстоятельств и самого человека зависит, как он распорядится этим даром, насколько «человекоподобной» будет его жизнь, насколько полно человек использует лишь один раз предоставленный ему природой шанс быть человеком.

Это значит, что ни богатство, ни власть, ни неограниченные возможности удовлетворения любых прихотей, которые дают богатство и власть («злато и булат»), не являются мерилем полноты жизни в указанном смысле, не дают ответа на вопрос: как человек использовал предоставленный ему даром явления в жизнь шанс быть человеком.

Отсчет полноты жизни идет не вниз к врожденной сущности человека, которой в действительности не существует, а вверх к реально существующему идеалу человека, который в ходе истории

становится все более общезначимым для всего человечества.

Таким образом, если дан актуальный смысл жизни индивида и дан реальный идеал человека, то появляется возможность определить объективную полноту существования этого индивида, то, как этот индивид распорядился своей жизнью, данной ему фактом рождения. То обстоятельство, что миллионы людей уходят из жизни, так и не реализовав свой шанс быть человеком или не желая его реализовывать, не меняет дела: каждый человек проживает свою жизнь с той или иной степенью полноты собственно человеческого существования, независимо от того, осознает он эту степень или нет.

Возникает вопрос: а нужно ли вообще стремиться к идеалу человека, не лучше ли жить в неведении о степени полноты своего существования? Не хочу быть моралистом-доктринером в этом вопросе, поэтому оставляю его без ответа.

§39. Модели сущности человека.

Реальный идеал человека это не усредненная оценка предпочтений, т.е. не то, к чему большинство людей в данном сообществе относится как к высшим ценностям жизни. Усредненного идеала вообще не бывает. Усредненные предпочтения это, в лучшем случае, предпочтения здравого смысла, идеал же всегда выше здравого смысла, он всегда витает в облаках, а потому так трудно уловим для логически безупречных определений. Можно сказать, что логика здравого смысла к нему не применима.

Не утверждаю, но смею высказать предположение, что логика, здравого смысла это логика зла, которая распяла Христа, сожгла на костре Дж.Бруно, выслала из страны И.Бродского... Все это делалось с одобрения большинства, причем, одобрения воодушевленного. Истерия плача на похоронах Сталина это не только и не столько психоз толпы, сколько торжество здравого смысла.

Все великие деяния и малозаметные поступки во благо людей осуществлялись и осуществляются вопреки здравому смыслу, ибо сопряжены с риском для собственного благополучия, а зачастую

- и жизни, они всегда алогичны с позиции здравого смысла, как алогично поведение Дон Кихота. Каждая эпоха рождает своих рыцарей, своих Сократов, своих Сахаровых. Их появление всегда неожиданно, непредсказуемо, но в том, что они являются, и пока они являются, гарантия существования человечества. Реальный идеал человека это та сила, которая не распределена между людьми равномерно, а имеет особенность концентрированно выступать в отдельных личностях, вызывая в других недоумение, восторг, осуждение, зависть и массу других эмоций, тем самым внося разлад в логику здравого смысла, основанного на принципе: «Будь как все!»

Каков же реальный идеал человека в наше время, т.е. какова его реальная сущность? В поисках ответа на этот вопрос можно применить метод экспертных оценок, взяв за основу высказывания известных деятелей культуры, науки, религии и т.д., авторитет которых общепризнан и не вызывает сомнения, т.е. своего рода духовных «столпов» современного человечества. Субъективизм этого метода очевиден (подбор участников экспертизы, выбор высказываний и т.д.), но можно ли вообще избежать субъективизма в решении поставленного вопроса? Метод метафизических построений не менее субъективен, но полностью оторван от реальностей жизни, как они сложились к началу XXI века.

Предположим, мы провели экспертизу, результаты которой можно записать в виде системы высказываний « $P_1, P_2, P_3 \dots P_n$ ». Например:

«Только при самоограничении сможет дальше существовать все умножающееся и уплотняющееся человечество. И ни к чему было все долгое развитие его, если не проникнуться духом самоограничения: свобода хватать и насыщаться есть и у животных, человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу» (А.Солженицын, из его «посильных соображений» «Как нам обустроить Россию»);

«В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспашка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами цели» (А.Сахаров, из Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека»);

«Великий Баратынский, говоря о своей Музе, охарактеризовал ее как обладающую «лица необщим выражением». В приобретении этого необщего выражения и состоит, видимо, смысл индивидуального существования, ибо к необщности этой мы подготовлены уже как бы генетически. Независимо от того, является человек писателем или читателем, задача его состоит прежде всего в том, чтобы прожить собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородный образом выглядящую жизнь. Ибо она у каждого из нас только одна, и мы хорошо знаем, чем все это кончается. Было бы досадно израсходовать этот единственный шанс на повторение чужой внешности, чужого опыта, на тавтологию - тем более обидно, что глашатаи исторической необходимости, по чьему наущению человек на тавтологию эту готов согласиться, в гроб с ним вместе не лягут и спасибо не скажут» (И.Бродский, из Нобелевской лекции 1987 года).

Очевидно, что система таких высказываний будет тем адекватнее отражать сущность человека, человеческое в человеке, т.е. идеал человека нашей эпохи, чем она будет полнее. Очевидно также, что вместе с полнотой этой системы будет возрастать и ее противоречивость, о чем ни в коем случае не следует забывать,

ибо сами эти высказывания принадлежат не оракулам, а людям.

Предположим далее, что нам удалось создать теоретическую модель «Р» сущности человека, которая охватывает все высказывания «р» системы « $P_1, P_2, P_3 \dots P_n$ » и снимает ее внутреннюю противоречивость, т.е. находит ей удовлетворительное объяснение. Возникает вопрос: является ли эта теоретическая модель «Р» сущности человека единственной по отношению к данной системе высказываний или возможны другие модели, решающие ту же задачу? Нет никаких оснований считать, что такие теоретические модели сущности человека в принципе невозможны, в этом отношении человек похож на Вселенную. Создание разных теоретических моделей сущности человека, как величины переменной от эпохи к эпохе, - в этом будущее философской антропологии, новых решений проблемы смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. - М., 1991.
2. Арьев Ф. Человек перед лицом смерти. - М., 1992.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - М., 1991.
4. В поисках смысла. Мудрость тысячелетий /Составитель А.Е.Мачехин. Изд. 2-е. - М., 2002.
5. Гусейнов А.А. Великие моралисты. - М., 1995.
6. Дубровский Д.И. Проблема идеального. - М., 1983.
7. Ильенков Э.В. Проблема идеального//»Вопросы философии», 1979, №6-7.
8. Кант И. Критика практического разума. Соч., т.4, ч.1. - М., 1965.
9. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. - М., 1984.
10. Колчин А.А., Рыбаков Н.С. На перекрестках мировоззрений. - Псков, 1993.
11. Ламонт К. Иллюзия бессмертия. Изд. 2-е. - М., 1986.
12. Лосев А.Ф. Дерзание духа. - М., 1988.
13. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. - М., 1991.
14. Смысл жизни: Антология /Общ. редакция Н.К.Гаврюшина. - М., 1994.
15. Смысл жизни в русской философии: конец XIX - начало XX века / Отв. ред. А.Ф.Замалеев. -СПб., 1995.
16. Соловьев В.С. Оправдание добра. - М., 1996.
17. Тейяр де Шарден. Феномен человека. - М., 1987.
18. Толстой Л.Н. Путь жизни. - М., 1993.
19. Трубецкой Е.Н. Избранное. - М., 1997.
20. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. - Л., 1960.
21. Франк С.Л. Смысл жизни. - В кн.: Хрестоматия по философии - М., 1997.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М., 1990.
23. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. - М., 1991.
24. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. -М., 1995.
25. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991.

Содержание

Смысл жизни как феномен человека и философская проблема ...3	
ВВЕДЕНИЕ	8
§1. Парадокс проблемы смысла жизни.	8
§2. Опасные вопросы.	10
§3. Смысловые полюса мира.	11
Глава I. СМЫСЛ БЫТИЯ.	
§4. Смысл и смысловой образ.	13
§5. Смысловой «солипсизм».	14
§6. Отношения типа «часть - целое».	15
§7. Смысловые и бессмысловые модели мира.	18
§8. Артефакты первого рода.	20
§9. Рукотворная деятельность человека.	24
§10. Артефакты второго рода.	25
§11. Артефакты науки.	27
§12. Смысловой мир человека.	28
Глава 2. ИДЕАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА.	
§13. «Скелет» души.	29
§14. Центр смыслового мира.	30
§15. Индивид и субъект.	31
§16. Личность.	32
§17. Идеальная реальность личности.	34
§18. Разум во Вселенной.	35
§19. Субъект преобразования мира.	36
§20. «Паутинные системы».	38
§21. Нетождественность личностей.	39
§22. Тождественность «Я» самому себе.	41
Глава 3. ФЕНОМЕН СМЫСЛА ЖИЗНИ.	
§23. Смысловой образ жизни.	42
§24. Единственность жизни.	43
§25. Ценность жизни.	45
§26. Историческая реальность.	46

§27. Смысложизненные ценности.	47
§28. Актуальный смысл жизни.	49
§29. Аксиоматический метод.	50
§30. Существование человечества.	52
§31. Транспозиция в будущее.	55
§32. Объективная оценка смысла жизни.	57
§33. Шкала ценностей.	60
Глава 4. СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.	
§34. Бытие и небытие человека.	62
§35. Понятия «жизнь» и «смысл жизни».	64
§36. Жизнь как «не-смерть».	66
§37. Идеал человека.	68
§38. Полнота жизни.	69
§39. Модели сущности человека.	71
ЛИТЕРАТУРА	

П 305

**Глеб Викторович
Петров**

Философия смысла жизни

Издательская лицензия **ИД №06024** от 09.10.2001 года.
Подписано в печать 20.05.2003 г. Формат 60x90/16.
Объем издания в усл.печ.л. 5. Тираж 100 экз. Заказ № 103.

Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Редакционно-издательский отдел ПГПИ им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, ул. Советская, 21, телефон 2-86-18.